

Chicken Soup
for the *Soul.*

КУРИНЫЙ БУЛЬОН

для души

101 история
для прекрасных
и любимых
женщин

любовь и брак
тело и душа
вызовы судьбы
материнство
мечты сбываются

ДЖЕК КЭНФИЛД
МАРК ВИКТОР ХАНСЕН
ДЖЕННИФЕР РИД ХОУТОРН
МАРСИ ШИМОФФ

Куриный бульон для души

Джек Кэнфилд

**Куриный бульон для души.
101 история для прекрасных
и любимых женщин**

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кэнфилд Д.

Куриный бульон для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин / Д. Кэнфилд — «Эксмо», 2012 — (Куриный бульон для души)

ISBN 978-5-04-092153-9

Удивительная коллекция вдохновляющих историй от женщин. Как они любят и как переживают потери, как жертвуют многим ради семьи и сколько радости получают взамен, как они стареют и сталкиваются с болезнями и как они прекрасны и сильны. Стейси родилась не такой как все, но получила от жизни все, что хотела. Какие три секрета счастья поддерживали мать-одиночку в самые трудные времена. Джоан пережила в детстве насилие и начала «заедать» внутреннюю боль. Анджела кардинально изменила жизнь, научившись говорить «нет». 1716 писем понадобилось Луизе, прежде чем соединиться с любимым... Эти и другие 96 историй тронут ваше сердце, заставят смеяться, плакать и снова влюбиться в жизнь. Ранее книга выходила под названием «Куриный бульон для души. 101 история о женщинах».

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-092153-9

© Кэнфилд Д., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Отзывы о книге	6
Предисловие	8
Глава 1	9
Белая гардения	10
Слова от самого сердца	12
Как раз вовремя	14
Подарки от чистого сердца	15
Другая женщина	17
Прикосновение Рамоны	19
«Вы – Бог?»	20
Электрические свечи	21
Больше, чем стипендия	23
Это было не больно	24
Поцелуй на ночь	26
Подарки	28
1716 писем	30
Секретный ингредиент Марты	31
Глава 2	32
Дом там, где сердце	33
Притча о двух городах	35
А русалкам куда?	36
Пират	37
Что ты взрастишь в себе?	38
Бабушка Руби	40
Проблема или решение?	41
Такой, как есть	42
Истинная красота	43
Слово Анджелы	44
Дама с мешком	47
Просто скажи «да»	48
Дар общения	50
В шестом классе я была пугалом	51
Глава 3	54
Было бы желание	55
Мы прошли долгий путь	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Джек Кэнфилд, Марк Хансен, Дженнифер
Рид Хоуторн, Марси Шимофф**
Куриный бульон для души
***101 история для прекрасных
и любимых женщин***

Jack Canfield, Mark Victor Hansen, Jennifer Read Hawthorne, Marci Shimoff

CHICKEN SOUP FOR THE WOMAN'S SOUL:

STORIES TO OPEN THE HEARTS AND REKINDLE THE SPIRITS OF WOMEN

Originally published in 1996 by Health Communications, Inc

This edition published under arrangement with Backlist, LLC, a unit of Chicken Soup for the Soul, LLC, PO Box 700, Cos Cob CT 06807-0700 USA.

© 2012 by Chicken Soup for the Soul, LLC. All Rights Reserved

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording or otherwise, without the written permission of the publisher.

CSS, Chicken Soup for the Soul, and logos are trademarks of Chicken Soup for the Soul LLC.

Russian Language rights handled by Nova Littera SIA, Moscow in conjunction with Montreal-Contacts/The Rights Agency

Серия «Куриный бульон для души»

© Малышева А. А. перевод на русский язык, 2018

© Алексей Андреев, перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Отзывы о книге «Куриный бульон для души: 101 история для прекрасных и любимых женщин»

«Какое наслаждение! Сделайте паузу и прочтите парочку рассказов из книги «Куриный бульон для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин». Ваш день станет чуточку светлее и радостнее».

*Глэдис Найт,
певица, телеведущая*

«Наконец-то появился «Куриный бульон» для женщин! Я испытала все возможные эмоции: смех, слезы, вдохновение. Спасибо за то, что тронули мою женскую душу».

*Оливия Ньютон-Джон,
ведущая*

«Куриный бульон для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин» – замечательный сборник вдохновляющих историй. Прекрасный способ ощутить родство с другими женщинами! Эта книга, несомненно, тронет ваше сердце!»

*Энн У. Ричардс,
бывший губернатор Техаса*

«Мы, женщины, отдаем другим всю свою душу и сердце. «Куриный бульон для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин» снова наполнит вас любовью, радостью и вдохновением, и вы воздадите должное невероятной силе женского духа».

*Барбара ДеАнджелис,
писательница*

«Не так часто встречаются книги, которые могут настолько увлечь, взбодрить и тронуть до слез. «Куриный бульон для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин» – одна из них. Рекомендую ее от всей души».

*Сюзан Джефферс,
доктор философии, писательница, автор «Бояться, но делать» и «Сложи оружие и танцуй по жизни»*

«Мне понравился «Куриный бульон для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин» – для меня это была самая трогательная книга в серии! Пожалуйста, пишите еще, я обожаю читать эти книги во время долгих перелетов!»

*Дэйзи Фуэнтес,
модель, актриса, оратор*

«Эти истории напоминают нам о том, каково быть женщиной или девушкой в нашем непростом мире. Это означает быть храброй, уверенной в себе и иметь наставников, которые помогут осуществить задуманное. Каждой занятой женщине просто необходимо выкроить хотя бы несколько минут в

день и прочесть эти истории. Они помогут взбодриться, найти равновесие и вдохновят на новые свершения!»

Лэсли Смит,
исполнительный директор, Национальная ассоциация женщин-руководителей

«Эта порция «Куриного бульона для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин» настолько сильна, что способна согреть сердца всего человечества».

Маргарита Арвидссон Седеррот,
бывшая мисс Вселенная

«Этот замечательный сборник рассказов – словно роскошный гобелен, сотканный из таких разных женских судеб. Истории познавательны, они заряжают новой энергией, помогая разобраться в себе и лучше понять те простые вещи, которые придают смысл нашей жизни».

Эллен Грин,
профессор античной филологии Университета Оклахомы

«Читая «Куриный бульон для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин», мы как будто заново открываем все самое лучшее в нашей жизни – веру, надежду, милосердие, любовь. Мне, пожалуйста, две порции: для меня и для подруги!»

Сюзан Б. Уилсон,
писательница, автор «Твое умное сердце: Записки для занятых женщин»

Предисловие

Эта книга стала для нас настоящим подарком. Работая над ней, мы все время ощущали любовь, счастье и неукротимую силу духа тех женщин, о которых здесь рассказывается. Надеемся, что и для вас книга станет источником радости и открытий.

Каждый из нас много выступал перед аудиторией, – чаще всего женской, – рассказывая о том, как сделать жизнь более полной и счастливой. Нас всегда восхищала и вдохновляла открытость, с которой женщины делились своими переживаниями, историями и опытом. Из этого вдохновения и родилась книга «Куриного бульона для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин».

Каждый день ее создания в нашей жизни происходило чудо! Словно незримая рука вела нас по этому пути.

Например, мы целый год искали Филлис Волкенс, автора рассказа «Поцелуй на ночь», чтобы попросить у нее разрешения на публикацию. Муж Филлис, Стенли, был невероятно рад, когда мы их наконец нашли. Уже несколько лет они оба были поклонниками «Куриного бульона», но увы, Филлис оставалось жить не больше недели. Для нее было счастьем узнать, что ее рассказ войдет в книгу. Через два дня она умерла.

Женщины, присылавшие нам свои истории, в один голос повторяли, как они благодарны нам за возможность выразить свои чувства. Пусть их рассказы не будут напечатаны, но они счастливы уже от того, что смогли ими поделиться. Для них это был своего рода акт очищения и обновления. Благодаря этой книге мы и сами стали другими – она помогла нам понять, что по-настоящему важно в жизни.

Искренность, мудрость этих женщин, их умение сострадать – поистине великий дар всему миру. Мы от всей души желаем, чтобы эти истории день за днем помогали вам научиться ценить самих себя и друг друга, – как помогли они нам.

Одна из написавших нам женщин, Мэри Майчалика, сказала: «Каждая женщина переживает период, когда на нее обрушивается слишком много проблем – семья, работа, супруг, бывший муж, родные и приемные дети, родители. В это время очень важно – просто необходимо – сделать шаг назад и переоценить приоритеты, задуматься о своей миссии в этой жизни. Ведь только тот, кто умеет заботиться о нуждах своей души, способен на истинную заботу о близких».

Итак, от всего сердца предлагаем вам «Куриный бульон для души. 101 история для прекрасных и любимых женщин». Пусть эти истории прикоснутся к вашей душе и разбудят в ней чудеса любви и вдохновения.

*Джек Кэнфилд,
Марк Виктор Хансен,
Дженнифер Рид Хоуторн,
Марси Шимофф*

Глава 1

О любви

Самое лучшее и самое прекрасное в жизни нельзя ни увидеть, ни потрогать – его можно лишь почувствовать сердцем.

Хелен Келлер,
писатель, лектор и политическая активистка, с детства лишенная зрения и слуха

Белая гардения

С тех пор, как мне исполнилось 12 лет, каждый год кто-то присылал мне на день рождения белую гардению. Никакой записки или открытки; звонить в цветочный магазин было бесполезно: покупку всегда оплачивали наличными. Вскоре я оставила попытки выяснить личность дарителя и просто наслаждалась красотой и пьянящим ароматом этого волшебного белоснежного цветка, обернутого в мягкую розовую бумагу.

Это не мешало мне фантазировать о том, кто ее присылал. Мне представлялся некто прекрасный, романтичный и слишком скромный, чтобы открыть свое имя. Подростком я мечтала, что это мальчик, в которого я влюблена, а может, и вовсе незнакомец, сраженный моей красотой.

Мать лишь раззадоривала мои фантазии. Она спрашивала: быть может, я помогла кому-то и он решил анонимно отблагодарить меня? Например, когда я каталась на велосипеде, а мимо проезжала соседка с оравой детей и кучей продуктов, я всегда помогала ей разгрузить машину и следила, чтобы дети не выбегали на дорогу. А может, таинственный почитатель – старичок, живший на другой стороне улицы? Зимой я частенько проверяла его почтовый ящик, чтобы ему не приходилось спускаться по заледенелым ступенькам. **Маме хотелось развить в своих детях творческое мышление, и еще – чтобы мы чувствовали, что нас любят, что мы небезразличны не только ей, но и всему миру.**

Когда мне было семнадцать, один мальчик разбил мое сердце. В тот вечер, когда он меня бросил, я плакала, пока не заснула. Утром я обнаружила на зеркале послание, написанное красной губной помадой: «Сердцем я знаю: когда уходят полубоги, приходят боги». Я долго думала над этой цитатой из Эмерсона¹ и оставила ее там, где написала ее моя мать, пока мое сердце не успокоилось. Когда наконец я решила ее стереть, мама поняла, что со мной все в порядке. И все же были раны, которые она не могла исцелить.

За месяц до окончания школы мой отец внезапно скончался от инфаркта. Я испытала всю гамму горестных чувств: от ощущения, что меня покинули, и страха – до утраты веры и отчаянного гнева за то, что отца не будет рядом в важные минуты моей жизни. Я потеряла интерес к учебе и выпускному балу – а ведь совсем недавно я так ждала его! Я даже начала подумывать о том, чтобы пойти учиться в местный колледж, вместо того чтобы уехать, как планировала раньше.

Мама тоже горевала, но не допускала даже мысли о том, что я пропущу выпускной. За день до смерти отца мы поехали за платьем и нашли совершенно невероятное – несколько ярдов кисейной ткани с вытканными горошинами – красными, белыми и синими. В нем я чувствовала себя Скарлетт О'Хара². Вот только размер мне не подходил.

На другой день умер отец, и мне стало совсем не до платья. Но мама не оставила эту затею. За день до выпускного я обнаружила, что платье ждет меня – и на этот раз размер был мой. Мама любовно разложила его так, что оно словно восседало на диване в гостиной.

Мне было все равно, будет ли у меня новое платье, – но маме нет. Для нее были крайне важны наши детские впечатления. Она научила нас видеть волшебство окружающего мира и его красоту даже сквозь невзгоды. На самом деле маме хотелось, чтобы ее дети чувствовали себя, как та гардения – красивыми, сильными, совершенными, окутанными таинственной аурой.

Мама умерла, когда мне было 22, через 10 дней после моей свадьбы. С тех пор мне больше не присылали гардении.

¹ Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) – один из виднейших писателей и мыслителей США (Прим. ред.).

² Скарлетт О'Хара – героиня романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (Прим. ред.).

Марша Аронс

Слова от самого сердца

Самые горькие слезы над могилами проливаются по несказанным словам и несделанным делам.

Харриет Бичер-Стоу,
писатель

Многим людям нужно услышать эти «три маленьких слова». И иногда они звучат очень вовремя.

С Конни мы познакомились, когда она поступила в хоспис, где я была волонтером. Ее перекладывали с каталки на кровать, а ее муж Билл стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу. И хотя у Конни была последняя стадия рака, держалась она бодро и весело.

Я надписала ее больничные принадлежности и спросила, не нужно ли ей чего-нибудь.

– О да, – ответила она. – Покажите, пожалуйста, как включать телевизор. Я обожаю сериалы и не хочу ничего пропустить.

Конни была очень романтичной женщиной. Она любила мыльные оперы, любовные романы и фильмы про любовь. Позже она призналась, как трудно ей жить с человеком, который то и дело называет ее «дурочкой».

– Конечно, я знаю, что Билл меня любит, – уверяла она. – Но он никогда не говорил мне об этом, даже открыток не присылал.

Она вздохнула и посмотрела в окно, на деревья во дворе.

– Я бы все отдала, чтобы хоть раз услышать от него «Я люблю тебя», но это не в его характере.

Билл навещал Конни каждый день. Сначала он просто сидел у ее постели, пока она смотрела свои сериалы. Потом, когда она все больше спала, он мерил шагами коридор рядом с палатой. Вскоре Конни уже не могла смотреть телевизор и редко приходила в себя. Тогда я стала больше общаться с Биллом. Он рассказывал о своей работе плотника и о том, как он любит рыбалку. Детей у них с Конни не было, но им нравилось путешествовать вдвоем, пока Конни не заболела. Билл не мог выразить словами, что он чувствует, думая о приближающейся смерти жены.

Однажды в кафе я завела с ним разговор о женщинах и о том, как важна для нас романтика, как мы любим сентиментальные открытки и любовные письма.

– Ты говоришь Конни, что любишь ее? – спросила я, уже зная ответ, а он посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

– Этого не нужно, – ответил он. – Она и так это знает!

– Уверена, что знает, – я дотронулась до его грубой руки плотника, сжимавшей чашку так, словно это была спасительная соломинка. – Но ей нужно это *услышать*, Билл. Услышать, что она значила для тебя все эти годы. Подумай об этом.

Мы вернулись к палате Конни. Билл скрылся внутри, а я ушла к другому пациенту. Позже я увидела Билла – он сидел возле спящей жены и сжимал ее руку.

Это было 12 февраля. Два дня спустя, вечером, я увидела в коридоре Билла, прислонившегося к стене и уставившегося в одну точку. От старшей медсестры я уже знала, что Конни скончалась в 11 утра. Билл позволил себя обнять. Лицо его было мокрым от слез, он весь дрожал.

– Мне нужно кое-что тебе сказать, – произнес он. – Я испытал такое облегчение, рассказав ей о своих чувствах... Я много думал о твоих словах, и сегодня утром сказал, как сильно я ее любил... и как я был счастлив в браке с ней. Видела бы ты ее улыбку!

Я вошла в палату, чтобы попрощаться с Конни. На тумбочке лежала большая открытка от Билла. Знаете, из тех, сентиментальных – «Моей чудесной жене... Я люблю тебя».

Бобби Липпман

Как раз вовремя

Однажды поздно вечером, в сильную бурю, старая негритянка стояла на обочине шоссе Алабамы, мокрая до нитки. Ее машина сломалась, и ей во что бы то ни стало нужно было поймать попутку.

Наконец около нее остановился молодой белый человек – неслыханная редкость на далеком Юге в беспокойные шестидесятые. Он отвез ее в тепло, а затем посадил в такси. Было видно, что она очень спешит. Женщина записала его адрес, поблагодарила и уехала.

Спустя неделю в дверь мужчины постучали. К своему удивлению, он обнаружил на пороге цветной телевизор и стереомагнитофон. К коробке была приклеена записка:

«Дорогой мистер Джеймс!

Спасибо Вам огромное за то, что помогли мне в тот вечер на дороге.

Я так вымокла – кажется, даже мысли мои насквозь пропитались дождем. А потом приехали Вы. Благодаря Вам я успела попрощаться со своим умирающим мужем. Благослови Вас Бог за бескорыстную помощь мне и другим людям.

Искренне Ваша Миссис Нэт Кинг Кол»

Дэн Кларк

Подарки от чистого сердца

Лишь та любовь, что мы отдаем, остается с нами.
Элберт Хаббард,
бизнесмен и писатель

В нашем суматошном мире гораздо легче перевести деньги на чей-то счет, чем сделать подарок от всего сердца. А ведь в праздник особенно важны искренние подарки.

Несколько лет назад я начала готовить детей к мысли, что в этом году мы отметим Рождество скромно.

– Да ладно, мам, мы это уже слышали! – отвечали они. Мне не верили: в прошлом году я говорила то же самое – попутно занимаясь бракоразводным процессом, – а потом плюнула и спустила все деньги на угощение и подарки.

В этом году все будет по-другому, думала я. Вот увидите.

Но как сделать это Рождество особенным? До развода я всегда успевала украсить дом к празднику, где бы мы ни жили. Я научилась клеить обои, класть деревянные панели и керамическую плитку, шить шторы из простыней и многое другое. Но теперь мы жили в съемном доме, и времени на его украшение было мало, а денег – еще меньше. К тому же меня бесил этот уродский интерьер: красно-оранжевые ковры и сине-голубые стены. Тратиться на его благоустройство не хотелось. Внутренний голос моей уязвленной гордости кричал: «Мы здесь ненадолго!»

Моя дочь Лиза всегда старалась превратить свою комнату в особенное место. Я позволила бывшему мужу и попросила купить для Лизы красивое покрывало, а сама подобрала постельное белье в тон.

В канун Рождества я потратила 15 долларов на галлон³ краски и купила самые красивые канцтовары, какие только видела в жизни. Моя цель была проста: красить и шить до самого Рождества – тогда некогда будет жалеть себя в этот волшебный семейный праздник.

Вечером я раздала детям по три карандаша и конверты. Вверху каждого конверта было написано: «За что я больше всего люблю свою сестру Мию», «За что я больше всего люблю своего брата Криса», «За что я больше всего люблю свою сестру Лизу» и «За что я больше всего люблю своего брата Эрика».

Детям тогда было 16, 14, 10 и 8 лет. Мне пришлось постараться, чтобы убедить их найти друг в друге что-нибудь хорошее. Пока они писали, я ушла в свою комнату и упаковала их подарки. Когда они закончили свои письма, мы поцеловали друг друга на ночь и они разбежались по кроваткам. В виде исключения я разрешила Лизе спать у меня, взяв с нее слово, что она не будет подглядывать.

Сама я приступила к работе. К рассвету я закончила шторы, покрасила стены и отступила на несколько шагов, чтобы полюбоваться своим творением. Стоп! А может, приклеить радугу и облака, как на простынях? Я закончила к пяти утра. У меня уже не осталось сил думать о том, что мы «неблагополучная семья», как говорится в сухих статистических отчетах.

Вернувшись к себе, я обнаружила Лизу, разметающуюся по кровати. Поняв, что мне так не уснуть, я осторожно подняла ее и отнесла в ее комнату. Когда я уложила ее в постель, она спросила:

– Мапочка, уже утро?

– Нет, родная, закрой глазки и не открывай, пока не придет Санта.

Утром я проснулась от шепота:

³ 4,5 литра (Прим. пер.).

– Ух ты, мам, как красиво!

Потом мы все уселись вокруг елки и принялись разворачивать наши скромные подарки. Детям раздали конверты. Мы читали послания со слезами на глазах. Последним пришел черед самого младшего. Восьмилетний Эрик не ожидал услышать что-нибудь приятное. Его брат написал: «Я люблю своего брата Эрика за то, что он ничего не боится». Мия: «Я люблю своего брата Эрика за то, что он со всеми находит общий язык!». Лиза: «Я люблю своего брата Эрика за то, что он выше всех забирается на деревья!»

Кто-то легонько подергал меня за рукав. Прикрыв своей маленькой ладошкой мое ухо, Эрик шепнул:

– Ну надо же, мам, я не знал, что они меня любят!

Так наша находчивость и изобретательность помогли нам преодолеть превратности судьбы.

С тех пор я встала на ноги, и мы отметили не одно пышное Рождество с множеством подарков под елкой... Но если вы спросите, какое Рождество у нас самое любимое, мы дружно ответим: то самое.

Шерил Николсон

Другая женщина

Прожив 21 год в браке, я открыл для себя новый способ разжечь искру любви и страсти в наших отношениях с женой. Я стал встречаться с другой женщиной.

На самом деле идея принадлежала моей жене.

– Ты знаешь, что любишь ее, – сказала она, застав меня врасплох. – Жизнь коротка. И прожить ее нужно с теми, кого любишь.

– Но я люблю *тебя*, – возразил я.

– Знаю. Но и ее ты тоже любишь. Мне кажется, если бы вы чаще бывали вместе, мы с тобой стали бы ближе.

Пегги всегда бывает права.

Другой женщиной, на встречах с которой настаивала моя жена, была моя мать.

Маме 71 год. Отец умер девятнадцать лет назад, и с тех пор она живет одна. Сразу после его смерти я переехал за полторы тысячи километров от Калифорнии, где обзавелся семьей и сделал карьеру.

Пять лет назад я вернулся в родной город и пообещал себе, что буду проводить с мамой больше времени. Но в суете, крутясь между работой и тремя детьми, я вырываюсь лишь на семейные праздники.

Когда я позвонил и предложил сходить поужинать, а потом в кино, она не поверила мне и насторожилась:

– Что стряслось? Ты собираешься разлучить меня с внуками?

Моя мать из тех женщин, которые способны заподозрить подвох в самых обычных вещах – таких, как поздний звонок от старшего сына с приглашением на ужин.

– Я просто подумал, как было бы здорово побыть вместе, – ответил я. – Только мы с тобой.

Она задумалась и сказала:

– Было бы неплохо. Мне нравится эта идея.

Подъезжая к ее дому в пятницу после работы, я ощущал некоторое нервное возбуждение – как перед свиданием. А ведь я всего-то собирался поужинать со своей матерью! Но о чем мы будем говорить? А если ей не понравится ресторан, который я выбрал? Или фильм? А если ей вообще ничего не понравится?

Свернув к ее дому, я понял, что и мама была чрезвычайно взволнована предстоящим свиданием. Она уже ждала у двери, одетая. Волосы у нее были завиты, на губах – улыбка.

– Я сказала подругам, что иду на ужин со своим сыном, это их так потрясло, – заявила она, садясь в машину. – Не могут дождаться завтрашнего дня, когда я расскажу им, как прошел вечер.

Это было самое обычное кафе, где мы могли посидеть и поговорить. Когда мы пришли, мать крепко стиснула мою руку – от нахлынувших эмоций и чтобы преодолеть ступеньки.

Устроившись за столиком, я принялся вслух читать меню: она со своим зрением могла различить только крупные предметы и тени. Дойдя до середины, я поднял глаза.

Мама сидела напротив и смотрела на меня с грустной улыбкой.

– Когда ты был маленький, меню читала я, – сказала она.

Я сразу понял, что он имела в виду. **Круг наших отношений замкнулся: сначала мама заботилась обо мне, теперь – я о ней.**

– Значит, пора тебе расслабиться и позволить мне отблагодарить тебя, – ответил я.

За ужином мы мило беседовали. Ничего особенного – просто рассказывали друг другу о своей жизни. Мы так заболтались, что пропустили фильм.

– Я пойду с тобой на свидание снова, но только в следующий раз плачу я, – сказала мама, когда я отвез ее домой. Я согласился.

– Ну, как прошло свидание? – спросила жена, когда я вернулся домой.

– Ничего... лучше, чем я ожидал, – ответил я.

Она улыбнулась, и в этой улыбке ясно читалось: «Я же тебе говорила».

С того вечера я стал регулярно встречаться с мамой. Мы стараемся куда-нибудь выбираться хотя бы пару раз в месяц. Обычно мы ужинаем, а иногда ходим в кино. Но в основном – просто болтаем. Я говорю о своих рабочих буднях, о детях, о жене. Она сообщает мне семейные сплетни и рассказывает о своем прошлом. Теперь я знаю, каково ей было работать на фабрике во время Второй мировой войны. Знаю, как они познакомились с отцом, как встречались в это непростое время.

Слушая ее рассказы, я вдруг понял, как это все для меня важно. Ведь это моя история.

Мы обсуждаем не только прошлое, но и будущее. Из-за проблем со здоровьем моя мать беспокоится о том, что ее ждет.

– Мне еще столько нужно сделать! – сказала она мне как-то вечером. – Когда вырастут мои внуки, я должна быть рядом.

Как и многим моим друзьям, мне свойственна некоторая суетливость, стремление заполнить свое расписание до отказа, балансировать между карьерой, семьей и общением. Я часто сетую на то, как быстро бежит время.

После того как я начал проводить время с матерью, я осознал, что важно иногда замедлить шаг. Наконец я понял значение слов, которые слышал миллион раз: качественное время-препровождение. Пегги была права: встречи с другой женщиной укрепили мой брак. Я стал лучше – как муж, как отец и, надеюсь, как сын.

Спасибо, мам. Я люблю тебя.

Дэвид Фаррелл

Прикосновение Рамоны

После моей операции прошло несколько недель, и я отправилась к доктору Белт на плановый осмотр. Я только что прошла первую химиотерапию. Шрам у меня еще не зажил до конца, рука не слушалась. Я испытывала целый комплекс новых ощущений – как будто в двухкомнатную квартиру, где раньше жили две мои груди, а теперь осталась одна, поселилась новая соседка.

Меня, как обычно, отвели в лабораторию взять кровь. Для меня это самый настоящий кошмар – я ужасно боюсь иголок. Я легла на кушетку. На мне была просторная фланелевая клетчатая рубашка и сорочка – тщательно продуманный наряд, хотя я надеялась, что окружающие решат, будто я надела первое, что попало под руку. Рубашка скрывала мою новую грудь, а сорочка – защищала ее; к тому же пуговицы легко расстегивались, что облегчало медицинские процедуры.

В комнату вошла Рамона. Ее теплая лучистая улыбка была такой знакомой – и так контрастировала с моими страхами. Впервые мы встретились в кабинете врача несколько недель назад. Тогда она еще не была моей медсестрой, но я ее запомнила, потому что она смеялась. Смех был глубоким, сочным и обволакивающим. Помню, я еще подумала: что она нашла смешного? Над чем вообще можно смеяться, когда тут такое происходит? Я решила, что она несерьезный человек и надо найти более ответственную медсестру. Но я ошиблась.

В этот день все было по-другому. Рамона уже брала у меня кровь и знала, как я боюсь иголок, поэтому спрятала инструменты под журналом с яркой обложкой.

Расстегнув рубашку и сняв сорочку, я обнажила катетер на груди, отчего стал виден свежий шрам.

– Ну как, заживает? – спросила она.

– По-моему, да, – ответила я. – Я аккуратно мою его каждый день.

На моем лице, наверное, отразилось воспоминание о том, как вода течет по мертвой груди. Рамона протянула руку и мягко коснулась шрама, ощупывая кожу, проверяя ее гладкость и наличие неровностей. Я тихо заплакала. Она ласково посмотрела на меня и спросила:

– Ты ведь его еще не трогала, правда?

– Нет, – ответила я.

Тогда эта чудесная женщина прикоснулась своей золотисто-коричневой ладонью к моей бледной груди. Она держала руку довольно долго, а я плакала. Потом она мягко сказала:

– Это часть твоего тела. Это ты. Ничего страшного, если ты к ней прикоснешься.

Но я не могла. Тогда она потрогала вместо меня – шрам, заживающую рану, а под ней – мое сердце.

– Я подержу твою руку, – сказала Рамона и прижала ладонь к моей руке. Мы обе молчали. Это был дар Рамоны мне. Той ночью, ложась спать, я аккуратно положила ладонь на грудь и не убирала, пока не заснула. Я знала, что я не одна – можно сказать, мы заснули вместе: моя грудь, то, что осталось от второй груди, дар Рамоны и я.

Бетти Абусси Элис

«Вы – Бог?»

Однажды холодным вечером в каникулы мальчик лет шести-семи стоял перед витриной магазина. Он был босой и в обносках. Проходившая мимо женщина увидела тоску в его ясных голубых глазах. Она взяла ребенка за руку и повела в магазин. Там она купила ему новые ботинки и теплую одежду. Когда они вышли на улицу, женщина сказала:

– Теперь можешь идти домой и радоваться каникулам.

Мальчик посмотрел на нее и спросил:

– Мэм, вы – Бог?

Женщина улыбнулась ему и ответила:

– Нет, сынок, я просто одна из Его детей.

Тогда мальчик сказал:

– Я так и знал, что вы родственники!

Дэн Кларк

Электрические свечи

Раз в месяц, по утрам в пятницу, я приезжаю в больницу и привожу свечи для Шаббата⁴ еврейским пациенткам. Зажигание свечей – традиция, которой женщины отмечают Шаббат, но больничные правила запрещают настоящие свечи. Поэтому мы придумали выход: электрические свечи, которые работают от сети. Мы включаем их в канун Шаббата – на закате в пятницу. Шаббат заканчивается в субботу вечером, а в воскресенье утром я забираю свечи и увожу их до следующей пятницы, когда другой волонтер привезет их своим пациентам.

Однажды пятничным утром я увидела очень старую женщину – ей было лет 90. Волосы у нее были белоснежные, мягкие и пушистые, как вата. Кожа – белая и морщинистая, как будто кости внезапно сжались и нечем стало ее держать; теперь она просто обвисла на лице и руках.

Укрытая простыней до самых подмышек, она казалась очень маленькой. Руки ее поверх покрывала были тощими и шишковатыми – казалось, они повидали все. Но глаза были ясными и синими, и она приветствовала меня удивительно сильным голосом. Из списка пациентов я знала, что ее зовут Сара Коэн.

Она сказала, что ждала меня, что дома всегда зажигала свечи, а мне нужно просто вставить вилку в розетку у ее кровати, чтобы она могла до них дотянуться. Было видно, что этот обряд ей хорошо знаком. Я сделала, как она просила, и пожелала ей хорошего Шаббата. Когда я уже повернулась к выходу, она сказала:

– Надеюсь, мои внуки приедут вовремя и успеют со мной попрощаться.

Наверное, на моем лице отразился шок от того, с какой обыденностью она это произнесла. Она знала, что умирает. Я прикоснулась к ее руке и сказала, что тоже на это надеюсь.

Выходя из комнаты, я чуть не столкнулась с молодой женщиной лет двадцати.

На ней была длинная юбка в стиле кантри, голова прикрыта платком. Миссис Коэн сказала:

– Малка! Как я рада, что ты приехала. А где Дэвид?

Мне нужно было идти дальше, но я все думала: успеет ли Дэвид?

Я не могу просто отвезти свечи и уехать, зная, что кто-то из этих пациентов серьезно болен, а кто-то скоро умрет. Каждая из этих женщин напоминает мне мою маму, когда она так же лежала в больнице и умирала. Наверное, поэтому я работаю волонтером. Весь Шаббат меня неотступно преследовали мысли о миссис Коэн и ее внуках.

Воскресным утром я вернулась в больницу, чтобы забрать свечи. У палаты миссис Коэн я увидела ее внучку – она сидела на полу у двери.

– Пожалуйста, – попросила она, – не могли бы вы оставить свечи еще на несколько часов?

Эта просьба меня удивила, и она принялась рассказывать.

Миссис Коэн научила ее и ее брата Дэвида всему, что они знали о религии. Их родители развелись, когда они были совсем маленькими, и к тому же постоянно работали. Почти все выходные они с братом проводили у бабушки.

– Она устраивала для нас Шаббат, – сказала Малка. – Готовила, убирала, пекла. Весь дом был таким... Там так пахло, что не передать словами. Как будто ты оказался в другом мире.

Не знаю, как объяснить вам, что означает Шаббат для всех нас: для бабушки, Дэвида и меня. Словно отдушина, побег от суеты. Это помогло нам с Дэвидом обратиться к нашей вере. Дэвид сейчас живет в Израиле. Он не мог вылететь раньше. Думаю, он приедет часам к шести, поэтому, если можно, пожалуйста, оставьте свечи до тех пор, а потом я сама их соберу.

Я так и не поняла, какая связь между свечами и приездом Дэвида, и Малка продолжила:

⁴ Шаббат – праздник Субботы, который по еврейской традиции начинается в пятницу после захода солнца и заканчивается в субботу с выходом звезд (*Прим. ред.*).

– Для бабушки Шаббат был днем счастья. Она не хотела умирать в этот день. Если мне удастся убедить ее, что Шаббат еще не закончился, может быть, она доживет до приезда Дэвида. Чтобы он хотя бы успел с ней попрощаться.

После этих слов я не могла прикоснуться к свечам. Я сказала Малке, что зайду позже, и сжала ее руку.

Бывают моменты, которые способны сблизить даже абсолютно чужих людей, – и это был один из них.

Весь остаток дня я занималась своими делами, но мыслями то и дело возвращалась к драме, разворачивавшейся здесь, в больнице. Эта старушка изо всех сил цеплялась за жизнь, и делала это не для себя. Похоже, она уже знала, что пришел ее час, и смирилась с этим. Для меня Сара Коэн была воплощением той силы, о которой я даже не подозревала. Я и не думала, что любовь может быть такой мощной. Она хотела во что бы то ни стало пережить Шаббат, не омрачать этот радостный день своим уходом. И, может быть, ей хотелось, чтобы внуки смогли спокойно перевернуть страницу, попрощавшись с человеком, который оставил такой глубокий след в их жизни.

Вернувшись в больницу в воскресенье вечером и еще не дойдя до палаты, я заплакала. Потом заглянула внутрь. Постель была пуста, свечи выключены. Позади меня кто-то тихо сказал:

– Он успел.

Я посмотрела на Малку – глаза ее были сухими.

– Дэвид приехал сегодня вечером. Сейчас он молится. Он успел с ней попрощаться и сообщить ей радостную новость: они с женой ждут ребенка. Если родится девочка, назовут Сарой.

Я не удивилась.

Оборачивая провод вокруг канделябра, я почувствовала, что он еще теплый.

Марша Аронс

Больше, чем стипендия

*Великие мысли понятны лишь пытливому уму,
Но великие поступки понятны всем.*
Эмили П. Бисселл,
социальный работник и активистка

Вы, должно быть, слышали об Ошеоле МакКарти. Эта 88-летняя женщина из Миссисипи больше 75 лет проработала прачкой. Однажды, уже после выхода на пенсию, она пришла в банк и, к своему удивлению, обнаружила, что ее скромные сбережения выросли до 150 тысяч долларов. Затем, уже к удивлению всех остальных, она сняла эти деньги – почти все, что у нее было, – и пожертвовала Университету Южного Миссисипи в фонд стипендий для афроамериканских студентов с финансовыми трудностями. О ней писали все газеты.

Но вы не знаете, как дар Ошеолы повлиял на мою жизнь. Мне 19 лет, и я первый стипендиат Ошеолы МакКарти. Я хорошо училась в школе и собиралась поступать в Университет Южного Миссисипи. Но для получения стипендии мне не хватило одного балла на вступительных экзаменах, а для меня это был единственный шанс оплатить обучение.

Однажды мне на глаза попала история Ошеолы МакКарти, напечатанная в одной из местных газет. Я показала статью маме, и мы обе решили, что это замечательный поступок.

А буквально через несколько дней мне позвонили: я оказалась в числе претендентов на первую стипендию Ошеолы МакКарти.

С Ошеолой мы познакомились на конференции – для меня это было словно найти потерянного родственника. Она никогда не была замужем, не родила детей, поэтому моя семья стала ее семьей. Они часто болтают по телефону с моей бабушкой, вместе ездят по делам, и она бывает у нас в гостях.

Всю жизнь Ошеола работала от рассвета до заката, вручную стирая белье. Когда я училась в школе, то все время проезжала мимо ее дома. Тогда я, конечно, не знала, что это ее дом, но обращала внимание на ровно подстриженный газон и на то, как все чисто и аккуратно. Недавно я спросила, почему ни разу не видела ее там, и она ответила:

– Наверное, я была на заднем дворе, стирала.

Теперь, после выхода на пенсию, большую часть времени Ошеола читает Библию – в перерывах между премиями. Всякий раз, приезжая к ней домой, я замечаю новую награду. Она даже побывала в Белом доме! Она счастлива и горда, но при этом держится очень просто. Нам даже пришлось уговаривать ее купить видеомэгнитофон, чтобы записывать программы с собственным участием, – на что она только улыбалась.

Ошеола дала мне не только стипендию – она научила меня делиться с другими. Всю жизнь она работала и делала людям добро, а теперь ее пример вдохновил и меня. В будущем я планирую пополнять ее фонд. Я хочу подарить Ошеоле семью, о которой она всегда мечтала, поэтому теперь она моя приемная бабушка. Она тоже называет меня своей внучкой. Когда я окончу университет, она будет сидеть в зале, между моей мамой и бабушкой – ведь именно там ее место.

Стефани Буллок

Это было не больно

Спонтанные проявления доброты – ха!

Это совсем не больно.

Я сказала мужу, что люблю его.

Это было не больно.

Я собрала сыну школьный обед и приложила записку о том, как много он для меня значит.

Это было не больно.

Я открыла дверь аптеки для женщины в инвалидной коляске.

Это было не больно.

Я оставила коробку печенья для почтальона.

Это было не больно.

Я пропустила людей в очереди в супермаркете.

Это было не больно.

Я позвонила брату сказать, что скучаю по нему.

И он тоже по мне скучает!

Я написала мэру письмо с благодарностью за его полезную работу.

Это было не больно.

Я отнесла цветы в дом инвалидов.

Это было не больно.

Я приготовила куриный бульон для больной подруги.

Это было не больно.

Я поиграла с дочерью в «Карамельную страну»⁵.

Нам было так весело!

Я поблагодарила человека, который помог мне упаковать продукты в магазине.

Он просиял.

Я разрешила ассистенту взять оплачиваемый выходной —

было больно, но только чуть-чуть.

Я поиграла с собакой в мяч.

Было здорово!

Я пригласила женщину, которая только что развелась, на обед и в кино.

⁵ Настольная игра.

Мне было приятно.

Я сходила на массаж.

Было замечательно!

Делать добро просто так — хм-м-м,
это совсем не больно.

Думаю, я буду так поступать весь год.

Сэнди Эзрин

Поцелуй на ночь

Я работаю ночной медсестрой в доме престарелых. По вечерам, заступая на дежурство, я прохожу по коридору, останавливаясь у каждой двери, чтобы пообщаться с пациентами.

Кейт и Крис часто сидели над большим альбомом и разглядывали фотографии. Кейт с гордостью показывала мне снимки прошлых лет. Крис тогда был высоким симпатичным блондином; Кейт – хорошенькой брюнеткой-хохотушкой. Двое влюбленных, чьи улыбки не поблекли спустя годы. Они были такими прекрасными! Свет, льющийся из окна, освещал их белоснежные волосы и морщинистые лица.

«Как мало знают молодые о любви», – думала я.

Лишь старикам по-настоящему понятно значение этого слова; молодежь может лишь догадываться.

Когда персонал ужинал, Кейт и Крис, держась за руки, медленно проходили мимо дверей столовой. Все тут же принималось обсуждать их любовь и верность друг другу, а также – что случится, если один из них умрет. В этой паре Крис был сильнее, и Кейт зависела от него.

Отход ко сну тоже сопровождался особым ритуалом. Когда я приносила вечерние лекарства, Кейт сидела в своем кресле в ночной сорочке и тапочках и ждала моего прихода. Под нашим с Крисом строгим взглядом она выпивала таблетку. Затем Крис заботливо перекладывал ее с кресла в постель и укутывал одеялом.

Наблюдая за этой любовью и заботой, я в тысячный раз думала: «Господи, ну почему в домах престарелых нет двуспальных кроватей для супружеских пар?» Всю жизнь они спали вместе, но в доме престарелых им приходилось лежать в отдельных постелях, лишаясь привычного ночного уюта.

«Какие дурацкие правила!» – думала я, глядя, как Крис выключает ночник у кровати Кейт.

Затем он наклонялся, и они нежно целовались. Крис гладил ее по щеке, и оба улыбались.

Он поднимал боковую перегородку ее кровати, и только тогда принимал свои лекарства. Выходя в коридор, я слышала, как Крис говорил: «Спокойной ночи, Кейт», а в ответ раздавалось: «Спокойной ночи, Крис».

Однажды меня не было два дня, а когда я вернулась, то первое, что услышала, было: «Вчера утром умер Крис».

– Тяжелый сердечный приступ. Все случилось очень быстро.

– Как Кейт?

– Плохо.

Я вошла в палату Кейт. Она неподвижно сидела в своей коляске, руки на коленях, взгляд устремлен в пустоту. Взяв ее руки в свои, я сказала:

– Кейт, это Филлис.

Она продолжала смотреть в пустоту. Я мягко взяла ее за подбородок и чуть приподняла голову, чтобы она посмотрела на меня.

– Кейт, я только что узнала о Крисе. Мне очень жаль.

На слове «Крис» взгляд ее ожил. Она озадаченно уставилась на меня, как будто гадая, откуда я взялась.

– Кейт, это я, Филлис. Мне очень жаль, что Криса больше нет.

Тут ее лицо озарилось воспоминаниями. По морщинистым щекам заструились слезы.

– Крис ушел, – прошептала она.

– Я знаю, – сказала я. – Знаю.

Какое-то время мы ухаживали за Кейт, разрешая ей есть у себя в палате, окружив ее заботой.

Затем персонал постепенно вернул ее к прежнему режиму.

Часто, проходя мимо палаты Кейт, я видела ее в инвалидной коляске с альбомом на колесиках. Она грустно рассматривала фотографии Криса. Тяжелее всего был вечерний отход ко сну. Ей разрешили перебраться на кровать Криса, и медсестры, укладывая ее спать, шутили и болтали с ней, но она молчала и была полна печальной отрешенности.

Через час я обнаруживала, что она все еще не спит, а лежит, уставившись в потолок.

Шли недели, а ситуация не улучшалась: Кейт была все так же беспокойна и безутешна, особенно по ночам.

Однажды ночью, войдя в ее палату и как обычно обнаружив, что Кейт еще не спит, я вдруг спросила:

– Кейт, может быть, тебе не хватает поцелуя на ночь?

Наклонившись, я поцеловала ее морщинистую щеку. И тут – словно бы я освободила водопад. По ее лицу побежали слезы, и она судорожно вцепилась в мои руки.

– Крис всегда целовал меня на ночь, – плакала она.

– Знаю, – шепнула я.

– Мне так его не хватает, все эти годы он целовал меня на ночь.

Она посмотрела на меня глазами, полными благодарности.

– Спасибо, что поцеловала меня.

Губы Кейт тронула легкая улыбка.

– А знаешь, Крис пел мне песенку, – призналась вдруг она. – А теперь я лежу всю ночь и думаю об этом.

– Что это была за песенка?

Кейт улыбнулась, держа меня за руку, прочистила горло и запела. Голос у нее от старости стал тихим и тонким, но все еще был мелодичным:

«Так поцелуй меня, милая, и мы разойдемся.
А когда я состарюсь и не смогу больше мечтать,
Этот поцелуй будет жить в моем сердце»⁶.

*Филлис Волкенс
Прислано Джейн Ханна*

Примечание редактора

Автор этой истории Филлис Волкенс умерла через два дня после того, как мы нашли ее, чтобы получить разрешение на публикацию ее рассказа (см. Предисловие). Ее муж Стенли рассказал, как важно было для Филлис, что ее история войдет в сборник «Куриный бульон для души: 101 история для прекрасных и любимых женщин».

Для нас большая честь напечатать «Поцелуй на ночь» в память о Филлис.

⁶ Песня «Когда я состарюсь и не смогу мечтать», слова Оскара Хаммерштейна, музыка Зигмунда Ромберга. Все права защищены (студия «Роббинс Мьюзик Корп»).

Подарки

Я держу в руках книгу «Классики фантастики. Жюль Верн», на полу валяется разорванная оберточная бумага. Надпись на форзаце гласит: «Мэтту с любовью от дедушки Лорена, Сан-Франциско». Зачем мой семидесятипятилетний отец присылает моему девятилетнему сыну книгу толщиной в 511 страниц? Я раздражена абсурдностью этого подарка. Наверняка он купил книгу второпях, не задумываясь. Но откуда моему отцу знать, что может нравиться девятилетнему ребенку?

Я вспомнила, как прошлой весной мы ездили в Сан-Франциско. Отец схватил Мэтта за руку и на бегу втащил в кабинку фуникулера. Потом он подобрал с земли пятицентовую монетку и сказал:

– Смотри, Мэтт! Если положить денежку на рельс, фуникулер разрежет ее пополам!

До сих пор вижу их обоих, охваченных восхищением.

Раздражение понемногу утихает. Я смотрю в окно, на спящего на крыльце Хондо. Мы взяли его, когда ему было восемь недель. Теперь на его черной морде тут и там проступают седые шерстинки, нижние веки карих глаз обвисли. Он косолап, и между подушечек его мощных лабрадорских лап тоже торчат седые волосы. Я вспоминаю отца – как я наблюдала за растущей сединой в его бороде, пока она не стала полностью седой.

Рядом с Хондо лежит Фреклз, бордер-колли. Ветерок шевелит ее мех, и она уже не такая пятнистая, как в детстве.

Для собаки четырнадцать лет – это целая жизнь. Хондо уже угасает, его луна как будто слабеет с каждым заходом солнца. Давно пора было взять вторую собаку, и все же прошлым летом, отвозя на ранчо Фреклз, мы испытывали чувство вины перед Хондо. Но он повел себя как истинный джентльмен. Он обнюхал это дрожащее существо; она заскулила, и он облизал ее. Так, под общее влияние хвостов, родилась их дружба.

В амбаре Фреклз смотрела на Хондо как на своего наставника, гордо ожидающего, пока мы оседлаем лошадей. Подошла кошка, потерлась о лапы Хондо, и Фреклз поняла: за кошками тут гоняться не принято.

Мы отправились провести коров, которые вот-вот должны были отелиться, и верный Хондо затрусил рядом. Фреклз поняла, что к коровам и оленям тоже приставать не следует.

И тут – словно не было этих лет! Мы кидали Хондо палку, и он приносил ее до тех пор, пока его ослабшие челюсти еще могли ее сжимать. Он как будто ожил, обретя второе дыхание. Но пробежав много миль по пыльной коровьей тропе, Хондо обессиленно рухнул в загоне: годы взяли свое. Мы ласково гладили его и трепали по загривку, и наконец он пришел в себя.

В следующий раз, отправляясь на пастбище, мы заперли его в конюшне. Он смотрел на нас сквозь деревянные перекладины, и в его взгляде читалась невыносимая боль.

– Все хорошо, старина, – сказала я. – Мы вернемся.

Но он к тому времени оглох и не слышал. Потом мы стали снова брать его с собой. Как бы мы ни заботились о нем, его луна все равно угаснет.

Снаружи по усыпанной гравием дороге проезжает машина. Фреклз слышит шум и вскакивает, наострив уши. Хондо продолжает спать. Фреклз лает – этот визгливый отрывистый лай не похож на глубокий, грудной голос, принадлежавший псу, который охранял наш дом 14 лет. Наконец Хондо просыпается – и не от шума машины, а от того, что визгливые нотки пробиваются сквозь его глухоту. Он поднимает голову и осматривается. Видит Фреклз – полную внимания и готовую охранять – и с глубоким вздохом вновь опускает голову на лапы.

Мне хочется выйти, взять голову Хондо в свои ладони, заглянуть в его карие глаза и тихонько сказать ему то, что он больше не в состоянии услышать, а может лишь почувствовать

сердцем. Сказать, как мне важно, чтобы он еще немного пожил в моем мире. Но вместо этого я беру книгу и снова читаю дарственную надпись.

«Мэтту, с любовью от дедушки Лорена».

Внезапно я понимаю смысл этого подарка.

Четырнадцать лет разделяют Хондо и Фрекз. **Шестьдесят пять лет и тысяча миль пролегли между моим отцом и его внуком. Всего несколько лет ему осталось, чтобы делать подарки.** Он так же считает каждый заход солнца, наблюдает за тем, как идет на убыль его луна. Он больше не может позволить себе роскошь тщательно выбирать подарки. Но если через десять лет Мэтт откроет эту книгу, готовясь с головой уйти под воду на 20 000 лье, именно голос дедушки пожелает ему счастливого пути.

Я аккуратно кладу тяжелую книгу на стол, открываю дверь и выхожу на крыльцо. мех Хондо поблескивает в лунном свете. Почувствовав дрожь моих шагов, он поводит хвостом из стороны в сторону.

Пейдж Ламберт

1716 писем

15 ноября 1942 года я с радостью ответила «согласна» своему жениху, одетому в новенькую, с иголки форму американской армии. А спустя всего восемь месяцев его призвали на фронт Второй мировой войны, в неизвестную точку в Тихом океане. Когда он уходил, мы пообещали друг другу, что будем писать письма каждый день разлуки. Мы решили нумеровать каждое письмо, чтобы не сбиться со счета. **Вскоре мы обнаружили, что, кроме слов любви, нам почти нечего сказать друг другу. Но эти слова мы писали в каждом послании.**

Война застала моего мужа, военврача, на линии фронта. И все же, где бы он ни был, даже в самой горячей точке – на Алеутских островах, Филиппинах или Окинаве, – он каждый день находил минутку, чтобы мне написать. И не только – когда выпадал случай, он присылал мне подарки из местных материалов.

Однажды, воспользовавшись затишьем во время боя на Филиппинах, он вырезал из красного дерева изящный инструмент для вскрытия писем. На одной стороне рукоятки было аккуратно выгравировано мое имя – Луиза, на другой – «Филиппины 1944». Прошло уже 50 лет, но этот нож до сих пор лежит у меня на столе. Каждый день я вскрываю им конверты, хотя письма, которые я теперь получаю, куда менее важны, чем те, что приходили во время войны.

Иногда почты не было по несколько дней и даже недель. В такие минуты я волновалась за своего мужа – ведь многие из его части уже погибли. Но потом почта оживала, и мне приходила сразу целая пачка писем. Я раскладывала их по номерам и неспешно, с наслаждением читала в хронологическом порядке.

К несчастью, письма проходили жесткую цензуру армии, и мне приходилось только догадываться о том, что скрывалось под «купюрами». Однажды, когда мой муж был на Гавайях, он попросил меня написать мои размеры, чтобы купить мне пижаму работы знаменитых китайских мастериц. Я ответила: 35–26–36 (ах, старые добрые времена!). Письмо муж получил, вот только размеры были замазаны армейскими цензорами, которые решили, что я сообщаю ему секретные сведения, используя специальный шифр.

Но пижама, как ни странно, подошла. В ноябре 1945 года война закончилась, и моего мужа наконец-то отпустили домой. Мы не виделись больше двух лет и четырех месяцев и всего один раз разговаривали по телефону. Но обещание писать письма мы сдержали, и к тому времени каждый из нас написал по 858 – то есть всего 1716 писем, которые помогли нам пережить войну.

Когда мой муж вернулся с войны, нам повезло: мы получили крохотную квартирку – учитывая тогдашнюю ситуацию на рынке недвижимости Сан-Франциско, это было не так-то легко. В этой каморке едва хватало места нам самим, и письма пришлось выбросить. В послевоенные годы мы расставались не больше чем на пару дней, так что повода писать письма не было. Но все эти годы муж проявлял ко мне, нашим детям и внукам ту же любовь, что и сразу после женитьбы.

Недавно мы отметили 53 года счастливой совместной жизни, и хотя писем тех далеких лет не осталось, любовь, заключенная в них, всегда будет жить в наших сердцах.

Луиза Шимофф

Секретный ингредиент Марты

Всякий раз, проходя через кухню, Бен думал о ней – о маленькой металлической коробочке на полке над плитой. Он бы вовсе не заметил ее, если бы Марта не повторила несколько раз, чтобы он ее не трогал. В коробочке, призналась она, лежит «секретная трава», полученная от ее матери. А поскольку бесценное содержимое нельзя было восполнить, то больше всего Марта боялась, что Бен или кто-нибудь другой нечаянно просыплет его.

Сам контейнер был такой старый, что оригинальная красная с золотым краска поблекла. Было видно, в каком месте трогали крышку – ее касались не только пальцы Марты, но и ее бабушки и мамы. Как знать, может быть и прабабушка Марты когда-то хранила здесь свою секретную траву. Бен знал, что после их свадьбы ее мать принесла эту коробочку и велела Марте постоянно использовать ее содержимое.

Так она и делала. Бен никогда не видел, чтобы Марта готовила, не достав коробочку с полки и не добавив в свою стряпню немного «секретной травки». Даже в торты, пироги и печенья она бросала щепотку этого средства. И что бы ни хранилось в контейнере, оно работало, потому что Марта была лучшей поварихой на свете. Так считал не только Бен, но и каждый, кто хоть раз побывал у них за столом.

Но почему она запретила Бену даже трогать эту коробочку? И какая она – эта «секретная трава»? Видимо, она была порезана очень мелко, потому что Бен никогда не мог разглядеть ее в еде. Марта каким-то образом умудрилась растянуть содержимое на тридцать лет их брака, и все ее блюда выходили отменными.

Бену все сильнее хотелось хоть одним глазком заглянуть внутрь, но он не решался. И вот однажды Марта заболела. Бен отвез ее в больницу, где она осталась до утра. Без нее дом казался ему пустым: Марта никогда не отлучалась так надолго. Когда подошло время ужина, Бен растерялся: что делать? Марта так любила готовить, что он никогда об этом не беспокоился.

Бен отправился на кухню, чтобы поискать что-нибудь в холодильнике, и коробочка на полке сразу бросилась ему в глаза. Она притягивала, как магнит. Он тут же отвернулся, но любопытство не оставляло его. Что же там внутри? Почему нельзя ее трогать? Что это за «секретная трава»? Сколько ее осталось?

Бен отвел взгляд и отодвинул крышку хлебницы на барной стойке. Ого! В ней лежало больше половины вкуснейшего пирога Марты. Он отрезал кусок, сел за кухонный стол – но его глаза снова вернулись к коробочке. Что плохого, если он заглянет внутрь? Почему Марта устроила из этого такую тайну?

Бен откусил кусок пирога; внутри него шла борьба. Наконец сопротивляться стало невозможно. Он аккуратно снял коробочку с полки, больше всего на свете боясь рассыпать ее содержимое.

Заглядывая внутрь, он испытывал почти священный ужас. Но... глаза его расширились от удивления: коробочка была пуста! Только на дне лежал свернутый клочок бумаги. Большая рука Бена с трудом пролезла внутрь. Аккуратно приподняв бумажку за уголок, он развернул ее и поднес к свету. **На листке было написано несколько слов – Бен узнал почерк матери Марты: «Марта, во все, что ты делаешь, добавляй щепотку любви».**

Бен вздохнул, положил записку на место, поставил коробочку на полку, вернулся за стол и доел пирог.

Теперь-то он понял, почему пирог был таким вкусным!

*Прислано Дом Абрахам
Журнал «Reminisce»*

Глава 2

О жизненной позиции и самооценке

Мы не выбираем, как и когда умирать. Но от нас зависит, как мы проживем эту жизнь.

*Джоан Базз,
певица и автор песен*

Дом там, где сердце

Самый тяжелый момент в моей жизни – когда я ехала за машиной «Скорой помощи», увозившей мою близкую подругу Элис в лечебницу. Как вспышка молнии среди хмурого апрельского неба, в памяти всплыла записка, которую Элис нацарапала в больничной палате: «Не позволяй им засунуть меня в это место!» Но Элис пробыла в больнице дольше положенного срока, и я не могла помешать ее переводу. Она была не в состоянии дышать без вентиляционного аппарата и нуждалась в комплексном круглосуточном лечении. Руки мои были скованы невидимыми оковами – совсем как руки Элис по ночам, чтобы не дать ей во сне нечаянно выдернуть трубки.

С детства мы с Элис были соседями. Она жила одна и с радостью приняла меня в своем сердце и чудесном большом доме из красного кирпича. Гостеприимство было для Элис естественной вещью. Она преподавала искусство, и голова ее была полна творческих проектов в любое время дня и ночи.

Мне нравилась ее старомодная мебель и уютный творческий беспорядок из серии «кое-что из ничего»: разные безделушки, стопки книг, маленькие подарочки для случайно зашедших друзей.

Лечебница гудела от кипучей деятельности и последних технологий; там была даже кухня, столовая и кабинет, – совсем как дома. Но это был не дом. Для Элис худший из ее кошмаров стал явью. В то утро, когда она увидела выстроившихся в ряд пациентов в колясках, – словно машины, вставшие на красный цвет, который никогда не сменится зеленым, – она сокрушенно покачала головой. По ночам она была прикована к постели, и ее глаза, не мигая, смотрели в пустоту, словно окна нежилого дома.

Зато персонал лечебницы организовал для Элис успешную программу реабилитации дыхания. Шли месяцы, а мы все цеплялись за надежду, что когда-нибудь она вернется в свой дом, который так любила. Но потом Элис пережила несколько рецидивов, и деньги на медицинские расходы кончились.

И вот в один совсем не прекрасный день на заборе дома Элис появилась табличка «ПРОДАЕТСЯ». Вскоре выстроилась очередь из покупателей – они копались в ее вещах и уносили с собой бесценные семейные реликвии. Со стороны зрелище напоминало похоронную процессию. Такое должно происходить после смерти, в отчаянии думала я, а не когда близкий человек еще жив и мечтает вернуться домой.

Я оплакивала не только беду Элис, но и свою собственную. Никогда больше не окунуться мне в теплую атмосферу ее дома. Несколько недель я не могла заставить себя навестить Элис. Горе шло за мной по пятам, наступало в самый неподходящий момент, стояло за спиной, когда я работала – в ту пору я занималась дизайном журнальных обложек.

Однажды поздно вечером я все-таки решилась к ней заглянуть. Она спала, и в неверном сумеречном свете поднятые перила ее кровати показались мне тюремной решеткой. Все ее скромные принадлежности были сложены кучкой на кровати: сумка, коробка с салфетками, недорисованные эскизы, ручки и прочие канцтовары. Взгляд мой упал на рулон наклеек с адресами. На них был адрес лечебницы, а не дома Элис, который мы обе так любили. Я с трудом сдержала слезы – так трагична была вся эта ситуация. Приходилось смириться с тем, что именно этот адрес станет для Элис постоянным, пока она не попадет на небеса.

– Боже милостивый, – молила я. – Помоги нам обоим... сделай что-нибудь.

Я похлопала Элис по плечу, чтобы разбудить, и зажгла ночник у ее крохотной кровати.

– Это я, Роберта, – шепнула я, стараясь придать голосу веселые нотки.

Лицо Элис озарила улыбка. В темноте ночи она казалась странно многообещающей.

– Опусть мои перила, милая, – попросила она. Затем подтянула ноги, чтобы освободить для меня место, и похлопала по нежно-розовому покрывалу, взбивая его, чтобы я могла сесть на край постели.

Я присела между Библией и требником. Они были разложены в ногах кровати, словно коврик с надписью «Добро пожаловать!».

– Я припасла для тебя кое-что с ужина, – сказала она, доставая из тумбочки две ванильные вафли в бумажной салфетке.

– Элис, это же мои любимые! – выдохнула я. – Ты не забыла!

– Загляни за занавеску. Там для тебя есть еще кое-что.

В коробке из-под резиновых перчаток, обернутой в веселенькую бумагу, стояла баночка с саше. Элис помешала его пальцем, чтобы выпустить на волю пряный аромат.

– Корица, – пояснила она. – Чтобы у тебя на кухне всегда вкусно пахло.

Накануне вечером я пила дорогой кофе с печеньем за столом, накрытым старинной кружевной скатертью и сервированным тончайшим хрусталем и фарфором. Идеальная картинка, которая через несколько месяцев будет красоваться на обложке глянцевого журнала о декоре. Но все это не шло ни в какое сравнение с искренним жестом Элис, ведь она делилась последним, что у нее было.

Внезапно тоска в моей душе сменилась умиротворением от осознания простой истины: **дом там, где твое сердце, он с тобой повсюду, где бы ты ни был.**

Это была одна из наших лучших встреч с Элис. Мы вспоминали ее старый дом и благодарили Господа за новый. Она с волнением сообщила мне, что ведет кружок рукоделия, а я радостно приняла ее совет по выбору обоев в мою комнату. Когда пришла пора уходить, Элис заковыляла вслед за мной по длинному коридору.

– Обо мне здесь прекрасно заботятся, – заверила она меня. – Даже газонокосильщика искать не нужно.

Я направилась к машине, а Элис остановилась в дверях. На ней был новый халат, который я ей привезла. Она помахала мне и послала воздушный поцелуй. Уходя, я краем глаза увидела, что она уже смеется вместе со своей новой семьей. Молитвы и ее искреннее гостеприимство сделали свое дело. Сердце Элис нашло свой дом, а вместе с ним – и мое.

Роберта Л. Месснер

Притча о двух городах

Путник пришел в большой город и спросил сидящую у дороги пожилую женщину:

– Какие люди живут в этом городе?

– А какие они были там, откуда ты пришел?

– Ужасные, – ответил путник. – Злые, бесчестные, в общем, отвратительные.

– Что ж, – сказала женщина, – таких ты найдешь и здесь.

Едва ушел первый путник, как появился второй, и тоже спросил о жителях города. И снова старуха попросила его рассказать о людях там, откуда он пришел.

– Хорошие люди: честные, трудолюбивые, щедрые. Мне было жаль с ними расставаться, – сказал путник.

– Значит, ты встретишь их и в этом городе, – молвила мудрая женщина.

Лучшее из лучшего

А русалкам куда?

Что подходит одной душе, не подойдет другой. Может быть, то, чем вы занимаетесь, покажется окружающим странным.

*Эйлин Кэдди,
писатель*

«Великаны, колдуны и гномы» – так называлась наша игра.

Родители ушли по своим взрослым делам, оставив на меня 80 детей в возрасте от 7 до 10 лет. Я собрал эту армию в церковном зале и объяснил правила игры. Играют почти как в «камень-ножницы-бумага», только процесс немного сложнее и предполагает более обдуманные ходы. Но в конечном счете все сводится к обычным догонялкам, где все бегают и кричат до тех пор, пока становится совершенно не понятно, кто на чьей стороне, кто победил, а кто проиграл. Распределить целую ораву галдящих школьников на две команды, рассказать про игру, обговорить индивидуальный имидж команд не так-то просто, но мы взялись за дело с правильным настроением.

Когда общий ажиотаж достиг предела, я крикнул:

– Теперь вам нужно решить, кто вы: ВЕЛИКАН, КОЛДУН или ГНОМ!

Все загомонили, определяясь, и среди этой куча-мала я вдруг почувствовал, как меня кто-то легонько дергает за штанину.

Маленькая девочка, глядя на снизу вверх, серьезно спросила:

– А русалкам куда?

– Русалкам? – переспросил я после долгого – очень долгого! – молчания.

– Да. Видишь ли, я – русалка.

– Русалок не бывает.

– Еще как бывает, я же есть!

Она не относилась ни к великанам, ни к колдунам, ни к гномам. Она уже выбрала свою категорию и не собиралась стоять в сторонке, пока другие играют, – она была твердо намерена участвовать, не поступившись своим достоинством и личностью. Осталось лишь определить место русалок. То, что оно найдется и что я знаю, где оно, не вызывало у нее сомнений.

Но где же оно – место для русалок? Для тех, кто не похож на других, кто не вписывается в общепринятые нормы и не помещается в стандарты и рамки? Ответ на этот простой вопрос – залог успешной организации школы, нации и целого мира.

Что я ответил? Что ж, мне иногда удается дать правильный ответ:

– Место русалки – здесь, рядом с Морским царем! (Вернее, рядом с его Шутом, подумал я про себя.)

Так мы и стояли, взявшись за руки, вместе проверяя выстроившиеся перед нами отряды великанов, гномов и колдунов.

Это неправда, что русалок не бывает. Во всяком случае, одну из них я знаю лично – ведь я держал ее за руку.

*Роберт Фулгам
Прислано Рашон С. Гетер*

Пират

Мы видим вещи не такими, каковы они есть, а такими, каковы мы сами.

Анаис Нин,
писатель

Однажды, когда миссис Смит сидела в приемной у врача, в кабинет вошли маленький мальчик и его мама. Миссис Смит обратила на него внимание, потому что на одном его глазу была повязка. Она поразилась тому, с какой небрежностью он относился к потере глаза.

В тот день пациентов было много, так что миссис Смит успела поболтать с матерью мальчика, пока он играл с солдатиками. Сначала он сидел тихо, расставив своих солдатиков на подлокотнике стула. Затем так же тихо перебрался на пол, поглядывая на маму. Наконец миссис Смит решила спросить мальчика, что случилось с его глазом. Он задумался, затем приподнял повязку:

– Ничего с ним не случилось, просто я пират! – и продолжил играть.

Миссис Смит потеряла ногу ниже колена после автокатастрофы и пришла к врачу узнать, достаточно ли она зажила, чтобы подобрать протез. Она собрала все свое мужество и все-таки чувствовала себя инвалидом. Умом она понимала, что потеря ноги не должна влиять на ее жизнь, но в душе никак не могла преодолеть этот барьер. Врач посоветовал ей метод визуализации, и она изо всех сил пыталась выстроить в воображении оптимистичную картинку. И все равно мысленно она видела себя инвалидом.

Но слово «пират» изменило ее жизнь. Внезапно она представила себя Долговязым Джоном Сильвером, стоящим на палубе пиратского корабля. Ноги у нее широко расставлены, одна – деревянная. Руки уперты в бока, голова высоко поднята, плечи развернуты. Она улыбнулась надвигающемуся шторму. Шквалистый ветер развеивал ее плащ и волосы. Мощная волна разбилась о борт корабля, обдав ее холодными брызгами. Судно накренилось и взревело, борясь с бурей. Но она стояла – непоколебимая, гордая, бесстрашная. В этот миг образ инвалида исчез без следа, на смену ему пришла новообетенная храбрость.

Через несколько минут ее вызвала медсестра. Когда она неуклюже направилась к кабинету на своих костылях, мальчик посмотрел на ее ногу:

– Леди, – спросил он. – А что у вас с ногой?

Его мама ужасно смутилась.

Миссис Смит посмотрела на свой обрубок и ответила с улыбкой:

– Ничего. Просто я тоже пират.

Марджори Уалле

Что ты взрастишь в себе?

Наше богатство не в том, чем мы владеем, а в том, без чего не можем обойтись.

**Иммануил Кант,
философ**

Квартира у Сэнди такая маленькая, что, придя домой с покупками, она первым делом думает, что передвинуть, чтобы освободить для них место. Каждый день она трудится не покладая рук, чтобы обеспечить себя и свою четырехлетнюю дочь – пишет статьи и делает разную случайную работу. Бывший муж давно скрылся в неизвестном направлении и, возможно, никогда больше не появится на горизонте. Машина часто решает взять выходной и отказывается заводиться. Тогда передвигаться приходится на велосипеде (если, конечно, погода позволяет), пешком или просить о помощи друзей.

Сэнди даже не мечтает о том, без чего не может обойтись большинство американцев: о телевизоре, микроволновке, магнитофоне и дорогих кроссовках. Весь ее скромный заработок уходит на простую, но сытную еду, теплую одежду, однокомнатную квартиру, выплату студенческого кредита, книги для дочери, самые необходимые лекарства и редкие утренние походы в кино.

Сэнди оббила, наверное, все пороги, пытаясь найти приличную работу, но везде что-то не так: то ей не хватает опыта, то должность неподходящая, то график не оставляет времени на общение с ребенком.

В истории Сэнди нет ничего необычного: многие родители-одиночки и пожилые люди вынуждены бороться с экономической структурой, застряв между финансовой стабильностью и нищетой, позволяющей получать субсидии от правительства.

Но Сэнди отличает ее взгляд на вещи.

– Вещей у меня не так уж много, да и в концепцию «американской мечты» я не вписываюсь, – призналась она мне с искренней улыбкой.

– Это тебя беспокоит? – спросил я.

– Иногда, – вздохнула она. – Когда я вижу ровесниц моей дочери в красивой одежде, с кучей игрушек, ездящих в дорогих машинах и живущих в больших домах, мне становится грустно. Все мы желаем добра своим детям.

– И все же ты не ожесточилась.

– Зачем? Мы ведь не голодаем, не мерзнем, и все, что нужно для жизни, у меня есть.

– Что же это? – спросил я.

– Я считаю, что сколько бы у тебя ни было имущества и сколько бы ты ни зарабатывал, по-настоящему нужно оберегать только три вещи, – ответила она.

– Что значит «беречь»?

– Ну, следить, чтобы никто не отнял их у тебя.

– И что же это за вещи?

– Во-первых, твои эмоции; во-вторых, твои друзья; и в-третьих, то, что ты взрастишь в себе, – не задумываясь, ответила она.

Для Сэнди «эмоции» – это не что-то масштабное. Это простые радости от общения с дочерью, от прогулок по лесу. Это удовольствие послушать музыку, принять горячую ванну или испечь хлеб.

О друзьях она говорит больше:

– Настоящие друзья – это те, кто всегда с тобой, даже если они на время исчезают из твоей жизни. Вы можете встретиться спустя годы там же, где расстались, и даже когда они умирают, то все равно остаются жить в твоём сердце.

Что же до эмоций, которые каждый сам в себе возвращает, об этом Сэнди сказала:

– Это зависит от человека. Я, например, не даю волю горечи и грусти.

– А какие же эмоции ты стараешься растить? – спросил я.

Сэнди тепло посмотрела на свою дочку, затем – снова на меня. Глаза ее светились нежностью, благодарностью и искрящейся радостью.

– Вот эти, – ответила она.

Филип Чард

Записано Лори Уолдрон

Бабушка Руби

Как мать двух весьма активных мальчиков семи лет и одного года, я всегда боюсь, что они что-нибудь сломают в доме, который я с такой любовью обставляла. В азарте игры они могут нечаянно столкнуть со столика мою любимую лампу или еще как-нибудь нарушить тщательно наведенный порядок. В такие опасные моменты я вспоминаю слова моей мудрой свекрови Руби.

У Руби шестеро детей и тринадцать внуков. Она – само воплощение мягкости, терпения и любви.

Однажды на Рождество все дети и внуки, как обычно, собрались у Руби. Всего за месяц до этого она купила чудесный белый ковер вместо прежнего, который служил ей верой и правдой больше 25 лет. Руби очень нравилось, как новый ковер вписывается в интерьер.

Мой деверь Арни вручил подарки племянникам и племянницам – их любимый домашний мед с собственной пасеки. Все были в восторге. И тут как назло восьмилетняя Шина пролила мед из своей баночки прямо на бабушкин новый ковер, растянув след по всему первому этажу.

В слезах Шина бросилась на кухню:

– Бабушка, я пролила мед прямо на твой новенький коврик!

Бабушка Руби опустилась на колени, посмотрела с нежностью в заплаканные глазки Шины и сказала:

– Не волнуйся, милая, меда у нас еще полно.

Линн Робертсон

Проблема или решение?

Был 1933 год. Меня уволили с работы, лишив возможности хоть как-то поддерживать семью. Единственным кормильцем осталась моя мать, которая зарабатывала тем, что шила одежду для других. Но она заболела и несколько недель не могла работать. Нам отключили электричество, ведь мы не могли больше оплачивать счета. Потом отрезали газ. Потом – воду. Правда, Департамент здравоохранения заставил вернуть нам воду в санитарно-гигиенических целях.

В холодильнике было шаром покати. К счастью, у нас был свой огород, и собранный урожай мы готовили на костре на заднем дворе.

Однажды моя сестра, прибежав из школы, объявила:

– Завтра нам надо принести в школу что-нибудь для бедных.

– Не знаю, есть ли кто-то беднее нас, – начала было мама, но ее мать, которая жила вместе с нами, положила руку ей на плечо, чтобы она замолчала.

– Ева, – сказала она. – **Если ты в таком возрасте внушишь ребенку мысль, что она «бедная», она так и останется «бедной» на всю жизнь.** У нас есть банка домашнего варенья – пусть возьмет ее.

Бабушка нашла салфетки и кусок розовой ленты, которой она обернула банку с остатками варенья. На следующий день сестра гордо отправилась в школу со своим «подарком для бедных».

С тех пор, если у кого-то возникала проблема, моя сестра, как само собой разумеющееся, предлагала свою помощь в ее решении.

Эдгар Бледсоу

Такой, как есть

Мой друг Марк Тукер делает мультимедийные презентации и выступает с ними по всей стране. Однажды вечером после выступления на Восточном побережье к нему подошла женщина и сказала:

– Вам обязательно нужно использовать в шоу музыку моего сына.

Марк принялся объяснять ей процедуру. Сначала ее сын должен сделать демозапись – не обязательно профессиональную, можно просто сыграть пару аккордов на гитаре у себя в спальне. Так у Марка появится представление о том, какую музыку он сочиняет.

Выслушав подробности, женщина насмешливо посмотрела на него и сказала:

– Мой сын – Билли Джоэл⁷.

Оправившись от шока, Марк тут же заверил ее, что, конечно же, ее сыну не нужно присылать никакой демозаписи! Затем он послушал композицию, которую, по мнению женщины, должен был выбрать. Она считала, что в этой песне содержится важная мысль о самооценке, которая отлично впишется в концепцию Марка.

Эта композиция уходила своими корнями в детство ее сына. В юности Билли Джоэл постоянно хотел быть кем-то другим, не похожим на себя. Его дразнили в школе, потому что он был ниже остальных детей. Он часто жаловался, что ему плохо, и был абсолютно уверен: стань он чуточку повыше, все в его жизни изменится.

Разумеется, мать считала своего сына самым лучшим, поэтому всякий раз отвечала:

– Не переживай. Тебе **вовсе не обязательно быть похожим на кого-то еще – ты и так отличный парень. Все мы уникальны, все мы разные.** И ты тоже можешь поделиться с миром чем-нибудь прекрасным. Я люблю тебя таким, как есть.

Помните старую поговорку о том, что слова иногда возвращаются и не дают нам покоя? И здесь слова матери, беззаветно любившей своего сына, вернулись спустя долгие годы в виде песни. Повзрослев, Билли Джоэл понял, кто он на самом деле и что его истинное призвание – творить музыку. Миллионам людей нужно услышать сердцем строки его песни, завоевавшей премию «Грэмми»:

Не меняйся, чтобы угодить мне
Я люблю тебя таким, как есть...⁸

Дженнифер Рид Хоуторн

⁷ Билли Джоэл (род. 1949) – американский автор-исполнитель песен и пианист, один из шести наиболее продаваемых артистов в США за всю историю страны (*Прим. ред.*).

⁸ Don't go changin' to try and please me... I love you just the way you are. Just the Way You Are, — слова Билли Джоэла, авторские права принадлежат Impulsive Music, 1977. Все права защищены. Используется с разрешения автора.

Истинная красота

Когда мать Терезу спросили, как ей удается сохранять молодость при такой напряженной жизни, она ответила: «Иногда радость на сердце полезнее, чем услуги косметолога».

На День матери Джейни выбрала особенный подарок для своей мамы Бесс. Она отложила деньги от своей первой скромной зарплаты, чтобы купить подарочный сертификат к стилисту.

В назначенный день молодая девушка привела свою робкую, ничем внешне не примечательную мать в мою студию. Пока я подбирала цвета для макияжа, Бесс призналась, что давно уже ушла в заботы о семье, махнув на себя рукой. Она никогда не задумывалась о том, как смотрится на ней одежда или как правильно краситься.

Я работала кистью, и ее лицо преображалось. Наложив румяна и помаду, я предложила ей взглянуть на себя в зеркало. Она смотрела долго-долго, как будто разглядывала незнакомку, придвигаясь к своему отражению все ближе и ближе. Затем, открыв от изумления рот и глаза, она легонько коснулась зеркала.

– Джейни, иди сюда! – позвала она дочь и показала на свое отражение: – Смотри-ка! Да я же просто красавица!

Молодая девушка улыбнулась, в глазах ее блеснули слезы.

– Да, мама, ты всегда была красавицей!

Шарлотт Уорд

Слово Анджелы

Твердили в детстве Анджеле —
Родители всегда:
«Во всякой ситуации
Умей ответить «да».

И если дочка Анджела
Пыталась «нет» сказать,
Была она наказана,
Отправлена в кровать.

Росла она тихонею
И слушалась всегда,
И на любую просьбу
Всем говорила «да».

И в школе нашу Анджелу
Хвалили каждый день
За то, что не шалила
И помогала всем,

Легко учила правила,
Прилежною была.
И так до выпускного
Девчушка доросла.

Друзья любили Анджелу
За то, что никогда
Она не расставалась
С коротким словом «да».

Но что в душе у Анджелы,
Попробуй угадай,
Когда на все вопросы
Одно лишь слово «да».

Вот замуж вышла Анджела,
Легко супругу с ней,
Вот дети, дом и хлопоты
В мельканье пестрых дней.

Ты счастлива ли, Анджела?
Ответит, как всегда,
чуть слышно и покорно
Постылое ей «да».

Хоть муж достался правильный
И дети – молодцы,
Ничто ее не радует,
И дни, как близнецы.

И как-то лежала в спальне
В рождественскую ночь,
Молила Бога Анджела
Хоть чем-то ей помочь.

И говорила Анджела,
Что жизнь ей не мила,
Что в этой жизни Анджела
Счастливой не была.

И на молитвы жаркие
Ей послан был ответ:
Холодное, короткое
Простое слово «нет».

Проснулась утром Анджела,
А может, не она,
Совсем другая женщина,
Другая мать, жена.

Отныне и навеки
Ей ясен стал ответ:
На все, чего не хочешь,
Умей ответить «нет».

«О нет, я не согласна!
Я не хочу, о нет!
Я не пойду, не буду,
И это мой ответ.

О нет, я так устала,
Я занята, о нет!
И помогать не стану,
Могу лишь дать совет».

Развязку всей истории
Мы рады изложить:
Теперь у нашей Анджелы
Совсем другая жизнь!

Как сон кошмарный, в прошлое
Покорность отошла,
И день ее заполнили
Любимые дела.

Друзья явились новые
И целый мир затей,
Иначе стала Анджела
Воспитывать детей:

«Во всякой ситуации
Умейте рассуждать.
На то, что вам не нравится,
Умейте «нет» сказать.

Ведь тот, кто сам по правилу
Такому же живет,
Кто знает радость выбора,
Отказ всегда поймет».

Барбара К. Бассетт

Дама с мешком

Желание делиться не делает человека щедрым, оно делает его свободным.

Роберт Бролт,
писатель

Обычно она спала рядом с отделением почты на Пятой авеню. Уже за несколько метров чувствовался запах мочи, просачивающийся сквозь слои грязной одежды, и запах гниения из ее почти беззубого рта. Если она не спала, то бормотала что-то бессвязное.

Как-то на День благодарения у нас осталось столько еды, что я собрала ее и поехала к почте.

Была холодная ночь. Листья кружились по улице, где почти никого не было – все, кроме немногих несчастливцев, находились в своих теплых домах. Но я знала, что разыщу ее.

На ней была та же одежда, которую она носила летом: несколько слоев шерсти покрывали ее старое, скрюченное тело. Ее тощие руки вцепились в бесценную магазинную тележку. Она сидела на корточках у проволочной ограды перед детской площадкой. «Почему она не выбрала другое место, где меньше дует?» – подумала я и решила: она обезумела и уже не понимает, что лучше прижаться к дверям.

Я остановила свой блестящий автомобиль у обочины, опустила стекло и сказала:

– Мама... вы не хотите...

Я сама была шокирована словом «мама». Но она была... такой... у меня не укладывалось это в голове.

Я сказала снова:

– Мама, я привезла вам немного еды. Не хотите индейку с начинкой и яблочный пирог?

Старуха взглянула на меня и произнесла очень ясно и отчетливо, а ее два нижних зуба шатались, пока она говорила:

– Ах, благодарю, но я совершенно сыта. Лучше отдайте еду тому, кому она сейчас нужна.

Слова звучали четко, а манеры были царственными. После чего я была забыта – ее голова снова погрузилась в пакеты.

Бобби Пробштейн

Просто скажи «да»

Жизнь – это либо дерзкое приключение, либо ничто.
Хелен Келлер

Я стендап-комик. Я работала на радиостанции Нью-Йорка и рассказывала о погоде в образе Джун Ист (пропавшей сестры Мэй Уэст⁹). Однажды мне позвонила сотрудница «Дейли Ньюс» и сказала, что хочет написать обо мне статью.

После интервью она спросила:

– Чем вы планируете заниматься дальше?

Честно говоря, я вообще ничего не планировала и, чтобы потянуть время, спросила, что она имеет в виду. Она ответила, что хотела бы следить за моей карьерой. С ума сойти! Журналистка из «Дейли Ньюс» говорит, что я ей интересна! Я решила ее не разочаровывать и ляпнула первое, что пришло в голову:

– Да вот, подумываю побить рекорд Гиннеса как самая быстро говорящая женщина.

На следующий день вышла статья, в которой, среди прочего, были мои слова о рекорде. В пять часов вечера мне позвонили из «Шоу Ларри Кинга»¹⁰ и пригласили поучаствовать. Они хотели, чтобы я попробовала побить рекорд. Сказали, что заедут за мной в восемь – то есть в тот же вечер!

Начнем с того, что о «Шоу Ларри Кинга» я никогда не слышала, а когда женщина заявила, что звонит с канала «Манхэттен», я подумала: «Порнушка, что ли?» Но она терпеливо объяснила мне, что это шоу общенационального масштаба и от таких предложений не отказываются – сегодня или никогда.

В тот вечер у меня была запланирована программа. Нужно было найти себе замену на семичасовое шоу, и я принялась обзванивать знакомых комиков, пока не нашла того, кто согласился поработать вместо меня.

Только потом я задумалась: а что, собственно говоря, я буду делать? Я позвонила в редакцию Гиннеса, чтобы узнать, как побить рекорд самого быстро говорящего человека. Там ответили, что нужно прочесть что-нибудь из Шекспира или из Библии. Я принялась повторять девяносто первый псалом, охранительную молитву, которой научила меня мать. С Шекспиром мы никогда не ладили, так что все мои надежды были на Библию. Я тренировалась снова и снова. Меня охватила дикая смесь волнения и возбуждения.

В восемь вечера за мной заехал лимузин. Всю дорогу я повторяла свою скороговорку, и к тому моменту, как мы приехали на студию, язык у меня совсем заплетался. Я спросила дежурную:

– А если я не смогу побить рекорд?

– Для Ларри это не важно, – заверила она. – Главное – чтобы в первый раз ты попробовала именно в его шоу.

Тогда я подумала: «Что такого страшного может со мной случиться? Выставлю себя душой на всю страну? Подумаешь! Переживу. А вдруг я все-таки побью рекорд?»

Я решила выложиться по полной – и получилось! Я стала самой быстро говорящей женщиной: произнесла 585 слов в минуту перед зрителями канала. Через год я уже побила свой рекорд, на этот раз произнесла 603 слова в минуту. Я была на пике карьеры.

Меня часто спрашивают, как мне это удалось и как мне вообще удастся то, что я делаю, – например, в первый раз прочесть лекцию, впервые выйти на сцену или прыгнуть с «тарзанки».

⁹ Мэй Уэст (1893–1980) – американская актриса театра и кино.

¹⁰ «Шоу Ларри Кинга» – ток-шоу, популярная передача CNN, которую вел Ларри Кинг (род. 1933).

И я отвечаю: моя философия проста. Я всегда сначала говорю «да», а потом спрашиваю себя, что нужно сделать, чтобы этого добиться. Следующий вопрос: «Что самое страшное может со мной случиться?» Ответ: я не добьюсь поставленной цели. **А самое лучшее, что со мной случится, – у меня все получится!**

Больше ничего не нужно: просто будь собой и наслаждайся жизнью!

Фрэн Капо

Дар общения

Мать всегда учила меня не разговаривать с незнакомцами – хотя сама разговаривала. В очереди. В магазине «Маршалл Филд», выбирая сумку. В лифте, когда он поднимался слишком медленно, а остальные молчали, озабоченно уставившись на кнопки. В аэропорту, на футбольном матче, на пляже...

К счастью, я прислушивалась к ее совету, только когда незнакомцы имели особенно устрашающий вид. Сейчас, вспоминая, как моя мать заговаривала с кем-нибудь, я улыбаюсь, но когда я была подростком, мне было страшно неловко.

– Вот и моя Линн покупает свой первый бюстгальтер, – сообщила она женщине, выбиравшей нижнее белье вместе с дочерью-подростком в местном супермаркете. Мне хотелось убежать и спрятаться за ближайшим баннным халатом, но вместо этого я прошипела сквозь зубы:

– М-мама!!

Мне стало немного легче, когда мама второй девочки сказала:

– Мы пытаемся подобрать лифчик для Сары, но они все слишком большие.

Не все отвечали на мамины реплики. Кто-то натянуто улыбался и отворачивался, кто-то и вовсе не обращал внимания. Я видела, что ей немного обидно, но она пожимала плечами, и мы шли дальше. Частенько я уходила бродить по магазину одна, а вернувшись, обнаруживала, что она опять с кем-то болтает. Иногда я боялась потерять ее где-нибудь в толпе, но потом слышала ее мелодичный смех и что-нибудь вроде «да-да, я тоже!».

Этими непринужденными беседами мама научила меня простой истине: **наш мир слишком велик – или слишком мал, кому как больше нравится, – чтобы не найти времени на общение друг с другом.** Она не давала мне забыть, что все женщины связаны особым родством, хоть мы и разные. Даже в самых обыденных вещах есть нечто, что всех нас объединяет. Может быть, поэтому мы предпочитаем бумагу пластику, считаем, что полосатый свитер всегда пригодится, и чувствуем, как от национального гимна по спине бегут мурашки.

Одно из последних воспоминаний о маме – когда она лежала в больнице, исхудавшая до 38 килограммов после рака груди. До смерти ей оставалось всего несколько часов, а она слабо улыбалась и рассказывала медсестре, как лучше сажать тюльпаны.

Я молча стояла в дверях, мне хотелось плакать, и вместе с тем меня охватила волна любви и тепла. Мама научила меня видеть весну в других людях. И я никогда этого не забуду, особенно сейчас, когда сама, повернувшись к кому-нибудь, спрашиваю: «А вам нравится, когда...»

Линн Роджерс Петрак

В шестом классе я была пугалом

Добрые слова коротки, и произнести их легко, но эхо их звучит бесконечно.

Мать Тереза

– Как тебе не стыдно! В шестом классе, а ведешь себя как безбожная язычница! – рыкнула миссис Бримм, толкая меня на скользкую деревянную скамью в кабинете директора.

Между собой мы прозвали ее миссис Хрумм. Повезло мне, нечего сказать: она оказалась на школьном дворе в тот момент, когда я решила преподать давно заслуженный урок худшему из своих мучителей, Джонни Уэлсону.

Сам вид учительницы был устрашающим: строгое черное каре обрамляло белые-белые, как у гейши, щеки, подведенные карандашом брови строго изогнуты, кремнево-черные глаза гневно сверкали.

Она была так не похожа на статную миссис Петерсон, мою классную руководительницу. У той, даже когда ее лицо оставалось серьезным, казалось, что губы вот-вот тронет улыбка. Но миссис Петерсон в этот момент не было видно. «Никому до меня нет дела», с горечью и негодованием подумала я, борясь со страхом. «Джон и остальные могут сколько угодно щипать и пихать меня, ставить подножки и обзывать, но стоит мне дать им сдачи, как появляется она – и оказывается, это я во всем виновата!»

– Когда ты наконец повзрослеешь и начнешь вести себя как леди...? – прошипела миссис Бримм, с отвращением выпуская мою руку. – Сиди здесь! Мисс Мосс, – скомандовала она, и из-за шкафчика показалось робкое лицо секретарши. – Смотрите, чтобы эта малолетняя преступница никуда не сбежала!

Вытянув морщинистую шею, словно испуганная курица, мисс Мосс взглянула на мое забрызганное грязью лицо и на свирепую миссис Бримм, махнула рукой в сторону внутреннего кабинета и вернулась на свое место. Миссис Бримм пулей влетела в кабинет мистера Свенсена, с шумом захлопнув за собой дверь, но я все же слышала долетавшие оттуда восклицания вроде «Совершенно невозможно!» и «Позор!».

Мисс Мосс, пригнувшись, перекладывала бумажки на своем столе и зачем-то открывала и закрывала ящики, а я пыталась тайком осмотреть свое правое плечо.

За это плечо меня любили щипать самый популярный мальчик в классе Джон Росс и его лучший друг Джон Уэлсон, попутно награждая меня прозвищами типа «Каланча», «Пугало», «Жестяной рот», «Тупица» или (за мои тяжелые ботинки) «Линда Легри Семимильные сапоги» (впрочем, мне это сравнение даже льстило, ведь Саймон Легри¹¹ на всех наводил ужас).

Я и сама понимала, что не красавица. В то время я уже достигла своего нынешнего роста – 176 см, – а год назад перенесла полиомиелит и стала «тощей, будто ошипанная ворона», как любила повторять моя бабушка.

Я носила скобки на верхних и нижних зубах, а корректирующая обувь и ненавистные очки не прибавляли мне красоты. И хотя я сутулилась, чтобы казаться ниже, все равно была самой высокой девочкой во всей школе. Вдобавок ко всему, меня оставили на второй год – якобы чтобы наверстать пропущенное за месяцы болезни, но на самом деле чтобы хоть как-то вытянуть мою плачевную успеваемость. Моя мать возлагала большие надежды на миссис Петерсон, невозмутимую руководительницу шестого класса. Она даже своим приятельницам по Клубу Женщин Колледжа призналась: «Может, хоть она сделает из Линды человека».

¹¹ Саймон Легри – персонаж повести Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», жестокий работоговец.

Была только середина ноября, а я уже в третий раз с начала года оказывалась в кабинете директора за драку.

Дверь распахнулась, и с финальным «...просто возмутительно!» оттуда вылетела миссис Бримм. Мистер Свенсен с усталым лицом ждал в дверях и, казалось, чувствовал себя еще более поверженным, чем я. «Если миссис Петерсон еще не передумала делать из меня человека, – подумала я, – лучше бы ей поторопиться!»

Через неделю, после пяти дней отстранения от учебы, наказаний дома, громкой выволочки от обоих родителей и визита к родителям Джонни Уэлсона, где я должна была «извиниться» самым спокойным голосом, на который только была способна, я наконец вернулась в школу.

Теперь я стояла за дверями класса, слушала веселый шум внутри, и от одной мысли, что я увижу самодовольные рожи одноклассников, меня тошнило. Вдруг чья-то рука коснулась моего плеча, и ласковый голос миссис Петерсон произнес:

– Ну наконец-то! Господи, Линда, я так по тебе скучала!

Я посмотрела в ее глаза, обрамленные сеточкой морщин, а она широко улыбнулась мне.

– Я хочу кое о чем тебя попросить, – продолжала она, ведя меня за собой. – Я тут подумала, что наш класс надо немного украсить. Может быть, мы нарисуем на стене вставшую на дыбы лошадь – вроде тех, что ты рисуешь у себя в тетрадах? Ты у нас высокая, сможешь нарисовать большую лошадь, чтобы заполнить панель у окна. Можно будет заняться этим во время чтения или после занятий.

Я улыбнулась ей, мигом позабыв о своих проблемах.

– Подойди к моему столу, когда класс усядется, и я объясню тебе все в подробностях.

Я кивнула, польщенная и согретая ее вниманием. Она легонько сжала мою руку.

Когда я проходила мимо парты Элис Ли, та улыбнулась и слегка ущипнула меня. Я обернулась и посмотрела на ее круглое жизнерадостное лицо, а она тихо сказала:

– Привет.

Внезапно я услышала за спиной хихиканье и громкий шепот:

– Глядите-ка, пугало вернулось.

Это был Черри. «Сним я разберусь после школы», – яростно подумала я. Желудок сжался в кулак.

– Тупица, тупица! – вполголоса пропел Уорди Мастерсон.

– Как погодка там, наверху, а, Каланча? – пробился сквозь взрыв смеха голос Джона Росса, и я ощутила, как все внутри меня закипает.

Затем раздался другой голос – музыкальный и звучный – и шепот и смешки разом стихли.

– Каланча? – спросил кто-то, не веря своим ушам. Все мы мигом повернулись туда, откуда шел этот голос. Миссис Петерсон выпрямилась во весь рост, глаза ее непонимающе расширились.

– Кто это назвал нашу Линду «Каланчой»? – недоверчиво переспросила она. Казалось, она парит в воздухе, источая магические лучи, отчего весь класс затих.

«Наша Линда!» Эти слова в устах миссис Петерсон прозвучали почти как «Отче наш». От изумления у меня даже дыхание перехватило.

– А я-то всегда думала, что наша Линда – будущая модель агентства «Пауэрс».

Двадцать девять пар глаз непонимающе уставились на нее.

– Что-нибудь слышали об нью-йоркском модельном агентстве «Пауэрс»? – Миссис Петерсон вопросительно окинула нас взглядом своих карих глаз. Будто бы соединенные невидимым проводом, мы одновременно покачали головами. Нью-Йорк! Нам, в Огдене (штат Юта), казалось, что это где-то на краю вселенной.

– В этом агентстве работают самые знаменитые модели в мире, – продолжала она перед жадно слушающей аудиторией. – Все они должны быть не меньше 182 сантиметров ростом.

Все ахнули, включая меня. Несколько пар глаз с восхищением посмотрели на меня, но вместо того, чтобы привычно ссутулиться, я гордо выпрямилась, впервые в жизни желая стать еще чуточку выше. А миссис Петерсон продолжала:

– А знаете, зачем моделям быть такими высокими? – спросила она. И снова все отрицательно замотали головами. – Это потому, что высокие женщины – скульптурны, и одежда на них сидит красивее.

«Скульптурны!» Слово-то какое! Миссис Петерсон тепло улыбнулась классу, как будто снимая чары, которыми нас сковала. Затем она коснулась руки Аннелль Крабти (та пользовалась популярностью, вот только ростом не вышла) и сказала:

– Ты готова показать свои эскизы, Аннелль?

Я гордо прошествовала к своей парте. Дети – даже Джон Росс! – поспешно расступились, освобождая дорогу.

А мне столько всего нужно было обдумать! Столько эскизов нарисовать, столько решений принять! Кем мне стать вначале – лесником, ветеринаром или моделью? **Можно ли быть знаменитостью и одновременно жить в одиноком маяке на вершине высокой горы?** Я села на стул, смакуя это новое слово – «скульптурный» – а вместе с ним надежду. В голове моей скакали и вздымались на дыбы разгоряченные лошади. Скульптурные лошади! Какая потрясающая выйдет фреска!

Линда Джессап

Глава 3

Преодолеваю препятствия

Палитра человеческих эмоций стала бы беднее, не будь в мире ограничений и препятствий, которые нужно преодолевать.
Хелен Келлер

Было бы желание

В День матери мы с Реджисом Филбином попросили зрителей нашей программы «Прямой эфир с Реджисом и Кети Ли» написать нам об их замечательных мамах.

Мы получили тысячи писем. Люди, которые никогда не стали бы рассказывать о себе, поделились с нами откровенными историями о своих матерях. Вот одна из самых трогательных и запомнившихся нам историй. Написала ее Стейси Насалроуд.

Я – третий ребенок у своей матери и родилась, когда ей было 20. Сразу после родов медсестры унесли меня, и она не успела меня увидеть. Врач мягко объяснил ей, что у ребенка нет ручки ниже локтя, и посоветовал:

– Обращайтесь с ней, как с обычной девочкой, и даже строже.

И мама послушалась этого совета! Еще до того, как отец ушел от нас, ей пришлось вернуться на работу, чтобы обеспечивать семью. В нашем доме в Модесто (штат Калифорния) было пять девочек, и все должны были помогать по хозяйству. Однажды, когда мне было лет семь, я прибежала из кухни с криком:

– Мам, я не могу чистить картошку – у меня всего одна рука!

– Сейчас же вернись на кухню, – строго ответила мама, не отрываясь от шитья. – И не смей больше использовать это оправдание!

Конечно же, я могла чистить картошку здоровой рукой, придерживая ее другой. Из любой ситуации можно найти выход, и мама это знала.

– Если очень захотеть, можно в космос полететь, – повторяла она.

Во втором классе учительница выстроила нас на школьном дворе – нужно было передвигаться по игровой площадке, перепрыгивая с одного турника на другой. Когда пришел мой черед, я отрицательно замотала головой. Кто-то сзади засмеялся. Домой я вернулась в слезах и вечером рассказала обо всем маме. Она обняла меня, и в ее глазах я прочитала: «Разберемся».

На следующий день после работы она повела меня в школу. На школьном дворе никого не было. Мама внимательно осмотрела турники.

– Подтянись на правой руке, – велела она. Я подтягивалась, пока у меня не получилось зацепиться за турник левым локтем, а мама стояла рядом и подбадривала меня. Так мы тренировались день за днем, и за каждую новую ступеньку мама меня хвалила.

Никогда не забуду, как мы снова собрались на школьном дворе. Я взбиралась все выше и выше, гордо глядя на детей, которые еще недавно смеялись надо мной. Теперь все они стояли, разинув рот.

Так было во всем: вместо того чтобы делать работу за меня или смириться с оправданиями, мама заставляла меня находить решение.

Временами я на нее обижалась. «Она-то не знает, каково это, – думала я про себя. – Ей наплевать, что мне тяжело».

Однажды вечером, после танцев в моей новой средней школе, я лежала в кровати в слезах. Мама вошла в комнату.

– Что случилось? – мягко спросила она.

– Мама, – ответила я, всхлипывая. – Никто из мальчиков не захотел со мной танцевать из-за руки.

Она долго молчала и наконец сказала:

– Милая, когда-нибудь ты поколотишь их бейсбольной битой. Вот увидишь!

Голос ее дрожал. Я украдкой посмотрела – по ее щекам текли слезы. Только тут я поняла, как ей больно за меня. Но она никогда не показывала мне своих слез, потому что не хотела, чтобы я начала себя жалеть.

Спустя некоторое время я вышла замуж за первого парня, который, как мне казалось, принял меня такой, как есть. Но он оказался инфантильным и безответственным. Когда родилась моя дочь Джессика, мне хотелось оградить ее от своего неудачного брака, и я развелась. Пять лет я была матерью-одиночкой, и все эти годы мама была для меня каменной стеной. Когда мне хотелось поплакать, я бросалась в ее объятия. Когда я жаловалась, как тяжело возиться с маленьким ребенком после работы и учебы, она смеялась. Но если я хоть на минуту начинала себя жалеть, то тут же смотрела на нее и вспоминала: «Она вырастила пятерых!»

Я снова вышла замуж. У нас с моим мужем Тимом замечательная семья и четверо детей. Моя мама, которой пришлось упустить столько важных моментов с собственными детьми, с лихвой наверстала их с внуками.

Не раз я видела, как она баюкает Джессику, глядя ее по голове.

– Я буду ее баловать, а воспитанием пусть занимается ее мать, – повторяла она. – Теперь у меня есть на это право.

На самом деле она не баловала детей, а лишь дарила им любовь и терпение.

В 1991 году у мамы нашли рак легких и сообщили, что жить ей осталось всего полгода. Но она была с нами больше трех лет. Врачи говорили: чудо. А я думаю, это любовь к внукам помогала ей бороться до последнего.

Мама умерла через пять дней после своего 53-го дня рождения. Мне до сих пор больно при мысли, что человеку, который был таким сильным всю жизнь, пришлось столько страдать перед смертью.

Но и на это она дала мне ответ. В детстве я не понимала, за что мне такие страдания. Теперь знаю: **именно препятствия делают нас людьми**. Мама со мной всегда, я чувствую ее присутствие. Иногда, когда я боюсь с чем-то не справиться, я вновь вижу ее лучистую улыбку. У нее было большое сердце – оно помогало ей стойко выносить все трудности. И меня она научила тому же.

Кэти Ли Гиффорд и Стейси Насалроад

Мы прошли долгий путь

*Женщина – как чайный пакетик:
никогда не знаешь, насколько она крепка,
пока не опустишь ее в горячую воду.*

Элеонора Рузвельт,
общественный деятель

В 1996 году мы, женщины, активно включились в процесс сотрудничества и взаимовыручки, который прежде был прерогативой мужчин.

Теперь нам живется куда легче, чем 40–50 лет назад. Всякий раз, радуясь этому, я вспоминаю свою маму и спрашиваю себя: смогла бы я пройти через то же, что и она?

К 1946 году мои родители, Мэри Сильвер и Уолтер Джонсон, были женаты семь лет, и у них родилось уже четверо весьма бойких и шумных детей. Я, шестилетняя, была старшей; остальные немногим младше – два мальчика, четырех и двух лет, и совсем еще крошечная девочка. Мы жили в очень старом доме, соседей поблизости не было.

Я мало знаю о жизни родителей в то время, но поскольку сама вырастила двоих детей, живя в дальних уголках страны, то могу представить, каково было моей матери. С маленькими детьми, мужем, чьего чувства долга хватало лишь на то, чтобы приносить домой немного бекона и подстригать газон, без соседей и друзей, у нее не было никакой отдушины от груза ответственности.

Однажды отец ни с того ни с сего решил, что она «блудит». Когда у нее было на это время и с кем она вообще могла познакомиться, не говоря о том, чтобы «блудить» – ведь мы постоянно путались у нее под ногами, – для меня загадка. Но отец так решил, и переубедить его было невозможно. Однажды весной 1946 года мама пошла за молоком, а когда вернулась, отец стоял в окне второго этажа с ружьем.

– Мэри, – сказал он. – Только попробуй войти в дом, и я убью твоих детей.

Так он дал ей понять, что подает на развод. Тогда моя мать в последний раз видела свой дом. Ей пришлось уйти в чем есть, с теми деньгами, что остались в кошельке – и литром молока.

Сегодня у нее, вероятно, было бы несколько вариантов: приют, «горячая линия», друзья, с которыми она познакомилась бы на работе. В кармане лежала бы чековая книжка или кредитные карточки. И она могла бы без стыда обратиться за помощью к своей семье. Но в 1946 году мама осталась совершенно одна. Отцу даже удалось настроить ее отца против нее. Мой дед запретил моей бабушке общаться с дочерью именно тогда, когда та нуждалась в ней больше всего.

Незадолго до суда отец сказал:

– Слушай, Мэри, я на самом деле не хочу развода – я просто хотел тебя проучить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.